

**РОССИЙСКИЙ СОВЕТ
ПО МЕЖДУНАРОДНЫМ
ДЕЛАМ**

**МАТЕРИАЛЫ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ
«ЕВРОАТЛАНТИЧЕСКОЕ
СООБЩЕСТВО
БЕЗОПАСНОСТИ:
МИФ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ»**

МОСКВА, 23 МАРТА 2012 г.

Российский совет по международным делам

Москва 2012 г.

УДК (061.3):351.746(4)

ББК 66.2(4)

М34

Российский совет по международным делам

Главный редактор:

д.и.н., член-корр. РАН И.С. Иванов

Редакционная коллегия:

д.и.н., член-корр. РАН И.С. Иванов (председатель); д.и.н., проф., акад. РАН В.Г. Барановский; д.и.н., проф., акад. РАН А.М. Васильев; д.э.н., проф., акад. РАН А.А. Дынкин; д.э.н. В.Л. Иноземцев; к.и.н. А.В. КОРТУНОВ; д.э.н., проф. В.А. Мау; д.и.н., член-корр. РАН В.В. Наумкин; д.и.н., проф., акад. РАН С.М. Рогов; к.полит.н. И.Н. Тимофеев (ученый секретарь)

Научные редакторы:

к.полит.н. С.В. Уткин, к.полит.н. Ю.А. Никитина

Выпускающие редакторы:

к.полит.н. И.Н. Тимофеев, к.полит.н. Т.А. Махмутов,
к.полит.н. Е.С. Алексеенкова, к.полит.н. Е.С. Чимириш

Материалы подготовлены по итогам научно-практической конференции «Евроатлантическое сообщество безопасности: миф или реальность», организованной Российским советом по международным делам (РСМД) при поддержке Администрации Президента Российской Федерации и Правительства Российской Федерации 23 марта 2012 г. в Москве. В брошюре представлены ключевые моменты выступлений основных докладчиков на четырех тематических секциях конференции: «Гуманитарные и экономические аспекты безопасности», «Общие ценности и преодоление недоверия», «Россия и ЕС: потенциал сотрудничества», «Военно-политические аспекты безопасности».

Материалы научно-практической конференции «Евроатлантическое сообщество безопасности: миф или реальность» / НП РСМД. – М.: Издательство «Проспект», 2012. – 83 с. – ISBN 978-5-98597-240-5

© НП РСМД

СОДЕРЖАНИЕ:

Иванов Игорь Сергеевич, президент Российского совета по международным делам	7
Медведев Дмитрий Анатольевич, Президент Российской Федерации.....	8
Джеймс Джонс, помощник Президента США по национальной безопасности (2009–2010 гг.).....	15
Фолькер Рюе, министр обороны ФРГ (1992–1998 гг.).....	18
Уильям Перри, профессор Стэнфордского университета, министр обороны США (1994–1997 гг.).....	20
Десмонд Браун, министр обороны Великобритании (2006–2008 гг.)	22

ГУМАНИТАРНЫЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

БЕЗОПАСНОСТИ.....25

Турбьёрн Ягланд, Генеральный секретарь Совета Европы.....	25
---	----

Общие ценности и преодоление недоверия.....28

Торкунов Анатолий Васильевич, академик РАН, ректор МГИМО (У) МИД России.....	28
Чубарьян Александр Оганович, академик РАН, директор Института всеобщей истории РАН	29
Лукин Владимир Петрович, уполномоченный по правам человека в Российской Федерации	31
Джессика Мэтьюз, президент Фонда Карнеги за международный мир	32
Роберт Легволд, профессор департамента политических наук Колумбийского университета	34
Рене Нюберг, директор Восточного отделения финской промышленности, посол Финляндии в Российской Федерации (2000–2004 гг.)	36

Россия и ЕС: потенциал сотрудничества.....38

Иноземцев Владислав Леонидович, директор Центра исследований постиндустриального общества, член президиума Российского совета по международным делам	38
Чижов Владимир Алексеевич, Постоянный представитель России при ЕС и Евратоме, Чрезвычайный и Полномочный Посол Российской Федерации.	40
Райнер Хартманн, председатель правления Ассоциации европейского бизнеса в Российской Федерации (АЕБ), глава представительства Э.ОН Рургаз АГ.....	44
Ковальчук Михаил Валентинович, директор Национального исследовательского центра «Курчатовский институт», ученый секретарь Совета при Президенте Российской Федерации по науке, технологиям и образованию	45
Язев Валерий Афонасьевич, президент НП «Российское газовое общество».....	46
Грушко Александр Викторович, заместитель министра иностранных дел Российской Федерации.....	48

ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ БЕЗОПАСНОСТИ.....49

Противоракетная оборона — фактор безопасности или противостояния.....49

Арбатов Алексей Георгиевич, академик РАН, руководитель Центра международной безопасности ИМЭМО РАН.....	49
Рогозин Дмитрий Олегович, заместитель Председателя Правительства Российской Федерации, Чрезвычайный и Полномочный Посол Российской Федерации.....	50
Рябов Сергей Алексеевич, заместитель министра иностранных дел Российской Федерации	56
Франсуа Хейсбург, советник президента Международного института стратегических	

исследований (Франция).....	58
Есин Виктор Иванович, начальник Главного штаба РВСН (1994–1996 гг.), ведущий научный сотрудник Центра военно-стратегических исследований Института США и Канады РАН, генерал-полковник	60
Ричард Берт, председатель движения «За безъядерный мир» (Global Zero), бывший руководитель делегации США на переговорах о СНВ	63

Пути укрепления военной безопасности: роль контроля над

вооружениями	66
Рогов Сергей Михайлович, академик РАН, директор Института США и Канады РАН	66
Антонов Анатолий Иванович, заместитель министра обороны Российской Федерации	68
Брюс Блэр, президент Института мировой безопасности (США), соучредитель движения «За безъядерный мир» (Global Zero)	71
Колтунов Виктор Стефанович, заместитель директора Института стратегической стабильности, генерал-майор	73
Бужинский Евгений Петрович, старший вице-президент ПИР-Центра, генерал-лейтенант	76
Франсуа Хейсбург, советник президента Международного института стратегических исследований (Франция)	78

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Иванов Игорь Сергеевич, президент Российского совета по международным делам.....	82
--	----

ИВАНОВ ИГОРЬ СЕРГЕЕВИЧ,

президент Российского совета
по международным делам

Уважаемые коллеги, от имени Российского совета по международным делам хочу поблагодарить вас за то, что вы с интересом откликнулись на приглашение принять участие в сегодняшней конференции. Президент России, Дмитрий Анатольевич Медведев, активно поддержал эту инициативу и дал согласие выступить с докладом. В работе конференции принимают участие руководящие работники Администрации Президента, Аппарата Правительства, Министерства иностранных дел, Министерства обороны и других министерств и ведомств, видные российские ученые, эксперты, представители деловых кругов, российского образования и общественности. Мы признательны нашим зарубежным гостям, которые откликнулись на приглашение и приехали для того, чтобы принять участие в нашей конференции. Особенно я хотел бы выразить признательность Генеральному секретарю Совета Европы господину Ягланду за его готовность выступить перед собравшимися.

На обсуждение сегодня мы выносим один вопрос: возможно ли на обширном евроатлантическом пространстве выстроить такие отношения, которые позволяли бы государствам и народам не только не опасаться друг друга, но и совместно противостоять общим угрозам безопасности. И если это возможно, то какие конкретные шаги надо предпринять, чтобы последовательно двигаться к этой цели. Кому-то это может показаться тривиальным. Проблемы евроатлантической безопасности обсуждаются уже не первый десяток лет, и тем не менее вопрос этот по-прежнему остается весьма актуальным. Если мы сможем добиться реального прогресса в области безопасности на евроатлантическом пространстве, то это качественно изменит всю ситуацию в области международной безопасности, позволит объединить усилия в борьбе с современными угрозами и вызовами, успешно решать проблемы развития. Поэтому мы не можем согласиться с той точкой зрения, что сейчас не время обсуждать безопасность, что главное сейчас — это преодоление последствий экономического и финансового кризиса в евроатлантической зоне. Проблемы безопасности и развития нельзя отделить друг от друга, решение одних проблем невозможно без прогресса в решении других. К сожалению, годы после окончания холодной войны пока не добавили нам оптимизма в плане создания всеобъемлющей системы евроатлантической безопасности. Конечно, мы стали более открытыми, больше посещаем друг друга, растут деловые связи, культурные, научные обмены, но, по большому счету, мы как не доверяли друг другу, так и не доверяем, а в области безопасности продолжаем мыслить прежними категориями, разделяя безопасность на свою, собственную, и на их, чужую. Обречены ли мы на такое развитие событий? Конечно, нет, так считают многие эксперты, авторитетные политики и в России, и в Европе, и в Соединенных Штатах.

В материалах, которые мы раздали вам, есть сборник Института мировой эко-

номики и международных отношений РАН. В нем опубликованы результаты исследований ведущих российских экспертов за последние два года. Также в материалах есть доклад Трехсторонней комиссии, которая два года тому назад была сформирована по инициативе Фонда Карнеги (Фонд Карнеги за международный мир). В работе этой комиссии участвовали авторитетные политики и эксперты из России, Соединенных Штатов, европейских государств. Есть другие исследования на этот счет, которые убедительно свидетельствуют о том, что в области безопасности не только возможно продвижение вперед, но это является настоятельной необходимостью. В докладе Трехсторонней комиссии, в частности, делается, на мой взгляд, обоснованный вывод о том, что вместо того, чтобы заниматься, главным образом, расширением существующих альянсов, созданием новых институтов и принятием новых деклараций, необходимо направить усилия на преодоление существующих барьеров и недоверия в отношениях между нашими государствами. Отталкиваясь от этого тезиса, мы планируем выстроить работу нашей сегодняшней конференции. При этом мы, разумеется, отдаем себе отчет в том, что одна конференция вряд ли даст ответы на все вопросы. Хочу подчеркнуть, что эта проблематика и дальше будет находиться в поле зрения и в рамках программной деятельности Российского совета по международным делам. Вначале мы рассмотрим проблемы гуманитарной и экономической безопасности, затем ожидаем выступление Президента Российской Федерации Дмитрия Анатольевича Медведева и после его выступления продолжим обсуждение военно-политических аспектов безопасности.

МЕДВЕДЕВ ДМИТРИЙ АНАТОЛЬЕВИЧ, Президент Российской Федерации

Уважаемые коллеги! Уважаемые дамы и господа! Я с интересом принял приглашение поучаствовать в конференции. Она весьма представительная. Здесь, насколько я знаю, собрались эксперты практически из 20 стран для того, чтобы обсудить весьма актуальную задачу построения евроатлантического сообщества безопасности. Прежде всего хотел бы поприветствовать в Москве и в России наших гостей.

Хотел бы сразу ответить на главный вопрос, который поставлен перед всеми нами: миф или реальность евроатлантическое сообщество безопасности? Мое мнение: пока это миф, но этот миф должен стать реальностью. И мы все в этом можем поучаствовать.

Очевидно, что конструктивный и непредвзятый диалог с учеными, экспертами необходим для того, чтобы принимать правильные практические решения тем, кто

обязан думать о будущем своей страны, своего народа, кто чувствует реальную ответственность за будущее всей нашей планеты. Сегодня, в век быстротечной глобализации, это уже не дежурная вежливость, а, по сути, аксиома.

Два года назад в нашей стране был создан Российский совет по международным делам: мы поддержали эту инициативу, — считаю, что не ошиблись. Надеюсь, что вошедшие в совет представители гражданского общества, ученые, дипломаты, военные ощущают свою реальную востребованность.

Если говорить предельно прямо, Россия, безусловно, добивается построения евроатлантического сообщества безопасности, где все должны чувствовать себя комфортно и быть одинаково защищенными. Глобальная значимость этой задачи очевидна. И, сколь бы ни был труден путь, по которому наша страна движется вместе с другими государствами, нашими международными партнерами, мы не намерены сворачивать с этого пути, мы не намерены занимать выжидательную позицию, а намерены действовать.

Обеспечение безопасности не происходит само собой, эта задача требует труда и всех государств региона. Нам предстоит приложить немало усилий для того, чтобы преодолеть кризис доверия. Как известно, кризис доверия был назван основной причиной глобального экономического кризиса, поразившего международную экономику, мировую экономику в 2008 году. И надо признать, что эти годы, годы экономического кризиса, — при всем их драматизме — нас многому научили (нас — я имею в виду и мировое сообщество, и лидеров государств): скажу откровенно, научили, прежде всего, прислушиваться к позиции друг друга в критических ситуациях, чего раньше по экономическим вопросам просто не было. Мы все получили серьезное предупреждение и, что называется, убедились в том, что необходимы коренные изменения в системе международных экономических отношений. Пока мы их не достигли, но мы движемся по этому пути. И, надо сказать, по некоторым направлениям движемся быстрее, чем я мог себе представить, когда мы первый раз собрались в конце 2008 года в Соединенных Штатах Америки в весьма посредственном настроении.

Этим же необходимо заниматься по всем вопросам внешней политики. Проблемы современного мира нужно решать сообща, объединяя наши усилия на принципиально новой основе.

По-прежнему убежден, что безопасность может быть только неделимой и равной. Попытки укрепить собственную безопасность за счет других разрушают саму идею построения сообщества государств и подрывают основы сотрудничества. Но главное — они будут провоцировать появление новых разделительных линий, генерировать напряженность и нестабильность. И дело не только в том, что такие оазисы безопасности в глобальном мире нежизнеспособны и долго не продержатся, — под их обломками может быть погребена вся существующая система безопасности и, в конечном счете, система международного права.

Сегодня в Евроатлантическом регионе все более востребована идея прочного партнерства. Нас многое объединяет. И, в целом, мы нужны друг другу. У нас много общих проблем. Распространение оружия массового уничтожения, природные и техногенные катастрофы, финансово-экономическая нестабильность, международный терроризм, организованная преступность, наркотрафик требуют от нас все большей сплоченности. Безусловно, эти угрозы существовали и раньше, но

в эпоху глобализации они становятся все более и более явными и более опасными.

Предпосылок для партнерства и опыта добрососедского сотрудничества у нас тоже достаточно. Мы помогли друг другу в разных ситуациях. Например, в России до сих пор в памяти очень тяжелая ситуация с лесными пожарами, которые были у нас в позапрошлом году. Мы очень признательны нашим европейским партнерам за серьезную помощь.

Мы оказывали и оказываем друг другу поддержку при эвакуации сотрудников посольств из горячих точек, вместе боремся с морскими пиратами и, наконец, вместе противостоям транснациональной преступности и терроризму. У нас налажен обмен информацией по деятельности террористических группировок.

Мы немало сделали за эти годы, в том числе совместно с Евросоюзом: и по упрощению визовых процедур, и в рамках программы «Партнерство для модернизации» (мне кажется, это была важная идея, и надеюсь, что она будет продолжена с участием большего количества государств), и при преодолении огромного количества препятствий, которые стояли перед Россией в рамках вступления в ВТО. Да и западный бизнес стал чувствовать себя в России, что называется, комфортнее, во всяком случае, ему стали понятнее многие правила. Это не означает, что все вопросы решены, тем не менее ощущение близости появилось. Это убедительный сигнал тем, кто занимается проблематикой безопасности.

Еще сравнительно недавно универсальным мерилем силы государств была их военная мощь. Мы все надеемся, что эти времена уходят в прошлое.

Сегодня государства сильны прежде всего своей открытостью и готовностью к партнерским отношениям. Скажу больше, помощь партнерам входит в число наших приоритетных национальных интересов, потому что мир, в котором царит взаимная поддержка, — это безопасный мир.

Исходя из этого мы развиваем интеграцию на пространстве Содружества независимых государств, в тесной координации с нашими союзниками последовательно укрепляем сотрудничество в рамках Организации Договора о коллективной безопасности, причем рассматриваем этот договор не изолированно, а как эффективный региональный механизм противодействия нашим общим угрозам. Кстати сказать, нашим партнерам из Североатлантического альянса следовало бы подумать о налаживании расширенных или продвинутых отношений, контактов с ОДКБ. Мне кажется, это уже просто назрело. Это во взаимных интересах, в общих интересах.

Сегодня мы также заявляем о решительном продвижении качественно новой ступени экономической интеграции в рамках формируемого Евразийского экономического союза Белоруссии, Казахстана и России.

Полагаю также, что во взаимоотношениях с НАТО нам пора избавляться от того, что мешает полноценному партнерству, от фантомов прошлого, от инстинктов недоверия, а они есть, конечно, с каждой стороны. Это тоже очевидно.

Настало время сближения позиций и принятия совместных решений, направленных на создание более устойчивой и справедливой системы мироустройства.

Вспоминаю саммит Россия — НАТО в Лиссабоне в ноябре 2010 года. Тогда убедительно прозвучало, что безопасность всех государств в евроатлантическом сообществе неделима, а безопасность НАТО и России — взаимосвязана. Я и сейчас готов под этими словами подписаться. Встреча была в целом хорошая и по

атмосфере, и по открытости в обсуждении самых разных вопросов. Мы исходим из того, что наши отношения с НАТО — это один из опорных элементов современной архитектуры безопасности на евроатлантическом пространстве, в значительной мере определяющий стратегическую стабильность в глобальном масштабе.

Вместе с тем, конечно, взаимодействие между Россией и НАТО не наладить без решения вопросов, которые затрагивают сегодня коренные интересы наших стран. Здесь тест один: тест на готовность Соединенных Штатов, других членов Альянса к подлинному партнерству с Россией. Он прост: это попытка учесть наши интересы — интересы, прежде всего, по проблематике противоракетной обороны в Европе.

Для нас принципиально важны надежные и опирающиеся на военно-технические и географические критерии гарантии ненаправленности развернутой системы ПРО в отношении российских сил ядерного сдерживания. Эти силы и сама система должны соответствовать заявленной цели — противодействовать ракетным угрозам, которые могли бы исходить из-за пределов Европы. Подчеркиваю, из-за пределов Европы. Мне ведь так никто и не объяснил, почему мы должны верить, что новая система европейской ПРО не направлена против нас. Наоборот, нам все время говорят: это как раз для вас — пользуйтесь этой системой. Как пользоваться-то? Это взлом ядерного паритета в той или иной ситуации. И, скажу откровенно, какие бы лично у меня ни были добрые отношения с моими коллегами, какими бы ни были продвинутыми отношения между Россией и государствами, входящими в НАТО, мы все это вынуждены будем учитывать и при определенных обстоятельствах — отвечать.

Диалог сейчас продолжается, никакие двери не закрыты. Прошу еще раз обратить внимание на то, что это не наше решение, это не мы придумали, это не мы продвигаем. Скажу прямо, что во время кулуарных разговоров со многими лидерами европейских стран они мне на ухо говорили, что им это не надо, но «есть атлантическая солидарность, поэтому мы будем это делать, и денег нам на это жалко». Вот и нам это не надо.

Время есть, но оно уходит, и я считаю, что в наших взаимных интересах — скорейший выход на взаимоприемлемые договоренности, но именно взаимоприемлемые. Договориться мы можем, у меня в этом сомнений нет, тем более что есть весьма успешные примеры такого взаимодействия, которые были получены в последние годы. Скажу вам, я испытываю определенную гордость за то, что мы достигли таких результатов. Это заключение нового российско-американского Договора о СНВ, в основу которого заложены принципы равноправия, паритетности, равной и неделимой безопасности сторон. Кстати, в преамбуле, по-моему, говорится и о взаимосвязи между ПРО и СНВ. Если кто забыл, рекомендую освежить в памяти, открыв этот договор. Я убежден, что такой же подход требуется и в отношении противоракетной обороны, и тогда все получится.

Добротное сотрудничество налажено у нас и по вопросам обеспечения надежной ядерной безопасности. Мы тщательно готовимся к предстоящему на днях в Сеуле саммиту. Я поеду туда, и надеюсь, что он станет этапным в укреплении и расширении взаимодействия в области физической ядерной безопасности, предотвращения потенциальных угроз ядерного терроризма, появления черных рынков ядерного материала и противодействия его незаконному обороту.

Россия уделяет большое внимание безопасности и сохранности ядерных

материалов и связанных с ними установок. В Сеуле планирую поговорить об этом, о шагах, которые мы предпринимаем в этой сфере, и о возможных формах общения и обмена опытом с нашими партнерами.

Задача укрепления правового фундамента международных отношений лежит и в основе другого нашего предложения заключить Договор о европейской безопасности. В проекте этого документа мы попытались зафиксировать базовые принципы безопасности в межгосударственных отношениях на евроатлантическом пространстве, а именно, приверженность добросовестному исполнению международных обязательств, уважение суверенитета, территориальной целостности государств, политической независимости государств, отказ от использования силы. Договор призван обеспечить условия для формирования эффективных механизмов взаимодействия в целях выработки адекватной реакции на вызовы и угрозы в области безопасности.

Уверен, что реализация этой инициативы (а она не направлена против кого-либо, она как раз нас должна консолидировать) повысила бы взаимное доверие государств и добавила бы стабильности в наши отношения.

Уважаемые коллеги, я также хотел бы надеяться, что конференция придаст дополнительный импульс предметному обсуждению вопросов совершенствования архитектуры европейской безопасности и поможет ответить на целый ряд очень важных вопросов. Ведь ответ на эти вопросы поможет и договориться по наиболее сложным проблемам сегодняшнего дня, в конечном счете, будет способен изменить парадигму отношений в сфере безопасности.

Равные права (это краеугольные принципы международного права) предполагают и равную ответственность, а также обязательства вносить реальный вклад в обеспечение безопасности. Универсальным и проверенным временем инструментом межгосударственного взаимодействия являются нормы и принципы международного права. Никакие схемы управления глобальными международными процессами не станут жизнеспособными, если не использовать или не уважать принцип верховенства права, во-первых, и, конечно, принцип суверенитета государств, во-вторых. И здесь бесспорны роль и авторитет главной международной площадки — Организации Объединенных Наций, на которую возложена ответственность за поддержание международного мира и безопасности. Скажем прямо, не всегда так происходит. Нужно исключить любые лазейки для действий в обход полномочий Совета Безопасности, для использования силы без его санкций, а такие попытки регулярно предпринимаются под самыми разными соусами. Аргументация проста, мы ее регулярно слышим: «Мы не можем договориться в Организации Объединенных Наций — значит, она несовершенна». Или «политика отдельных государств несовершенна — будем договариваться во имя лучшего мира, во имя демократии действовать сами». Где здесь приоритет международного права?

Хочу особо отметить, в последнее время опять возросло количество тех, кто желает использовать оружие в качестве аргумента для решения проблем.

То и дело звучат, причем не на экспертном уровне, а на официальном уровне, заявления ультимативного характера с угрозами внешнего вооруженного вмешательства. Считаю, что это крайне опасная и просто неприемлемая тенденция. Кто-то хочет поскорее сделать современной демократической страной Сирию. Кому-то хочется побыстрее разделаться с ядерной программой Ирана. Да, нас тоже

очень тревожат многие процессы и в том числе те вопросы, о которых я только что сказал. Но за всем тем, что происходит, очень часто просматривается просто ущербная логика и психология войны.

Какими бы благими намерениями ни были продиктованы попытки навязать свое мнение, свою волю несогласным, они несовместимы с принципами международного партнерства, принципами взаимного уважения в международных отношениях. Давайте все-таки стараться более внимательно и беспристрастно слушать друг друга, внимательно учитывать и историческое наследие, культурно-религиозные особенности отдельных стран и регионов. Самое главное — нельзя допустить, чтобы пропагандистские атаки подрывали или подавляли верховенство права, иначе международные отношения будут входить в штопор анархии и произвола.

Сегодня особенно востребована конкуренция идей по укреплению кооперативных основ международных отношений, общих усилий в этом русле в противовес гонке за достижение геополитического превосходства, а такая гонка за превосходством всегда воспроизводит устаревший подход к ведению международных дел и обеспечивает лишь кратковременный успех. Мы очень часто становимся свидетелями относительности таких побед. Сегодня достигли какого-то преимущества, а завтра его уже нет, оно исчезло, а вот цена и издержки в плане нарушений региональных и глобальных балансов и подрыва доверия весьма высоки.

Мы свой вклад в конкуренцию идей внесли: это упомянутый мною Договор о европейской безопасности; но мы готовы обсуждать и альтернативные идеи по обеспечению неделимости безопасности. Мы никогда не зашорены, не считаем, что наша идея — самая лучшая, а все остальное обсуждаться не может. Нет, конечно. Но этих идей нет, мы их пока, во всяком случае, не слышим. Слышим, что есть НАТО и этого достаточно. А те, кто в НАТО не участвуют, они очень часто воспринимаются или как скрытые враги, или как международные лузеры. Это плохо.

Несколько слов о новом измерении безопасности. Сегодня мы становимся свидетелями настойчивых попыток использовать в межгосударственных отношениях схему действий, которая предусматривает массированное манипулирование общественным мнением. В итоге так называемые нужные цели, задачи, которые ставят перед собой государства или группа стран, внедряются в сознание людей, в политический обиход как истина в последней инстанции, а иные точки зрения отбрасываются. Мы должны быть более толерантными, мы должны слышать друг друга. Убежден, что любые инициативы и действия, даже в том числе поддерживаемые большинством, не могут попираť международное право и демократический порядок принятия решений. В этом плане, кстати, показателен и пример Сирии, о которой сейчас много говорят. Вокруг этой страны была развернута весьма активная медийная кампания. Я сейчас не обсуждаю даже природу того, что происходит. Но в любом случае, эта медийная кампания была мало связана с задачами немедленного прекращения насилия и оказания содействия запуску общесирийского диалога, а мы ведь все к этому стремимся.

В то же время, если ориентироваться не на пропаганду, а на профессиональный серьезный разговор, то международное сообщество способно выработать общий подход к задачам урегулирования данной конфликтной ситуации. Об этом свидетельствуют и договоренность об известных пяти принципах, достигнутая на встрече с участием нашего министра иностранных дел с коллегами из Лиги арабских

государств, и одобренное несколько дней назад заявление председателя Совета Безопасности Организации Объединенных Наций в поддержку миссии Кофи Аннана. Хотел бы подчеркнуть, что положение этих документов идет именно в русле тех предложений, которые Россия высказывала с самого начала.

В контексте острой дискуссии по сирийским проблемам хотел бы еще раз выделить роль экспертного сообщества в объективном и беспристрастном анализе международных событий. Мы, конечно, все весьма признательны журналистам за оперативную подачу информации, за их самоотверженную, подчас опасную для жизни работу. Они молодцы. Но по-настоящему глубокий анализ, профессиональный анализ, комментарии происходящего должны давать профессионалы, эксперты, вооруженные всесторонними знаниями и своим богатым опытом, в том числе дипломатическим опытом, опытом решения кризисных ситуаций. Поэтому нам казалось бы очень важным регулярно слышать ваш голос, ваши оценки и заключения.

Уважаемые коллеги! Сегодня все чаще говорят о многомерности понятия безопасности, включающего в себя и гуманитарные компоненты. Большое количество вызовов в сфере прав человека накопилось и в Евроатлантическом регионе: речь идет и об элементарном расизме, и о расовой дискриминации, и о ксенофобии, и о нетерпимости, речь идет о проблемах с положением национальных и этнических меньшинств, беженцев, внутренне перемещенных лиц, мигрантов. Это далеко не полный перечень. И самое главное, что эти проблемы в той или иной степени затрагивают все наши государства, все государства Евроатлантики. По-настоящему эффективно бороться с ними можно лишь на основе конструктивного и равноправного сотрудничества с использованием всего спектра механизмов регионального взаимодействия, включая и Совет Европы, и ОБСЕ. Мы к такому сотрудничеству готовы и последовательно призываем к этому всех партнеров.

Для нас неприемлемы попытки отрыва этой тематики от сферы духовности, морали, исторических традиций. Мы, тем не менее, против стремления диктовать суверенным государствам рецепты решения имеющихся проблем. Не можем согласиться с избирательным подходом к оценке ситуации с правами человека. Такой подход, который обычно основывается на двойственности стандартов, ведет к девальвации основополагающих принципов международных отношений, да и самого классического понятия демократии, которое все мы впитали еще в школьные годы или в университетских курсах.

В этом плане как можно воспринимать, как принято говорить, «мантры» отдельных государств, которые считают себя главными проводниками демократии, если, скажем, в ливийском, а сейчас и в сирийском сюжете в качестве примера для демократического развития выбираются государства, внутривосточная жизнь которых регулируется совсем другими нормами? Это или демократия, или не демократия. Самим-то не грустно от этого?

Необходимо отбросить конъюнктурные подходы и дать себе отчет, насколько глубоки и серьезны перемены, которые происходят в мире. Только в этом случае мы сможем воплотить идею о единой Европе, без разделительных линий, а это реальная задача. И мы в России этого очень хотим. Времена размежевания, к счастью, канули в прошлое, им нет возврата. Гарантией тому является воля наших народов, их стремление к единству.

Сегодня состояние международной безопасности как никогда ранее зависит

от общеевропейского человеческого потенциала. Россия очень дорожит этим национальным богатством, потому что мы многонациональная страна, очень сложная страна и с той системой ценностей, которая складывалась тысячелетиями, которая развивалась и обогащалась во взаимодействии с другими европейскими культурами. Мы понимаем и то, что в основе европейской идентичности лежит наша историческая и духовная общность. И это не пустые слова.

Завершая свое выступление, хотел бы сказать: мы открыты для диалога и поиска взаимоприемлемых решений по всему спектру проблем безопасности на евроатлантическом пространстве. Я искренне надеюсь и рассчитываю на ваш вклад в достижение этих по-настоящему исторических целей. Я желаю всем вам успехов и благодарю за внимание.

ДЖЕЙМС ДЖОНС, помощник Президента США по национальной безопасности (2009–2010 гг.)

Господин Президент, для меня большая честь находиться сегодня здесь вместе с Вами. Когда я прочитал название конференции, мне показалось, что это не столько вопрос о настоящем, сколько выбор в отношении будущего, в котором, как указал Президент, Россия, Соединенные Штаты и все евроатлантическое сообщество жизненно заинтересованы. Я также размышлял о более глубоком и весомом понимании безопасности в XXI веке, включающем экономическое развитие и правопорядок, которые являются инструментами устойчивой безопасности и прогресса.

Если евроатлантическое сообщество действительно миф, тогда это плохо для всех нас. Если мы сможем превратить его в надежную реальность, это будет благо для всех нас. Сейчас я выступаю в качестве частного лица и вспоминаю с большим удовольствием те отношения, которые у меня складывались с моими российскими коллегами, когда я был советником по национальной безопасности. Общая миссия наших стран — в формировании реальной евроатлантической безопасности и сотрудничества. Мы выполняли наш долг в духе открытого общения и взаимоуважения. Всегда буду глубоко благодарен за то образцовое партнерство и многолетние дружеские отношения, которые тогда сложились.

Я тесно сотрудничаю с целым рядом неправительственных «мозговых центров» у себя в стране и имею честь вскоре стать председателем совета Центра Брента Скоукрофта по международной безопасности при Атлантическом совете Соединенных Штатов, который должен быть создан в ближайшее время. Наша цель — продвигать вперед программы сотрудничества с великими державами, такими как Россия, по самым важным проблемам, стоящим перед нами в современном

сложном мире. Такие учреждения очень важны, они являются элементом нашей национальной политики, способствуют открытости и приветствуют разные точки зрения. Включенность гражданского общества является одновременно и мериллом, и сопутствующей характеристикой национального величия и жизнеспособности в XXI веке. Ваше присутствие, господин Президент, на этом мероприятии свидетельствует о важности коммуникации, а состав участников подчеркивает значение включенности. Я надеюсь в ближайшем будущем пригласить российских представителей стать участниками программы Атлантического совета в Соединенных Штатах, связанной с нашей общей безопасностью.

Укрепление «перезагрузки» и построение более тесных отношений всегда является результатом открытого, энергичного взаимодействия и готовности к сотрудничеству, такого, которое продемонстрировало историческое участие Президента Медведева в саммите Совета Россия — НАТО в Лиссабоне. Оно явилось примером общей приверженности реалиям евроатлантического сотрудничества в области безопасности. Это поворотное событие было одним из наиболее важных достижений, наряду с новым Договором о СНВ, Соглашением 123 о гражданском ядерном сотрудничестве и укреплении партнерства перед лицом общих угроз безопасности. Одним из моих последних мероприятий как советника по национальной безопасности было участие в конференции в Сочи по выработке совместных действий против терроризма, наркотиков и организованной преступности. 43 страны принимали участие в конференции, возглавляемой Россией. Программа по борьбе с наркотиками Совета Россия — НАТО является примером тех требований, которые предъявляет сообщество к борьбе с общей опасностью. Мы придали новый импульс американо-российской Двусторонней президентской комиссии с тем, чтобы она всячески способствовала вовлечению всех слоев общества. Мы с нетерпением ждем в этом году присоединения России ко Всемирной торговой организации.

Сегодня мы знаем, что самая серьезная угроза глобальной безопасности — это распространение оружия массового уничтожения и средств их доставки. Особое внимание нашей совместной программы действий должно быть уделено решению проблем, связанных с Ираном, Северной Кореей и негосударственными структурами. Противоракетная оборона представляет собой новую платформу для европейской безопасности. Для сотрудничества между НАТО и Россией в области безопасности нет более удобной возможности. Официальные лица с обеих сторон в ближайшие месяцы будут работать в направлении превращения противоракетной обороны в Европе из камня преткновения в продуктивное сотрудничество, которое обеспечит России необходимые ей уверенность и возможность для участия.

Мы должны использовать достигнутые успехи и не позволять уводить себя в сторону. Необходимо понимать, что за внешнеполитическими шагами часто стоят внутривнутриполитические интересы и предвыборная риторика. Но мы не можем игнорировать реальность того, что слова разносятся по всему миру и влияют на окружение, в котором великие державы должны продолжать работать вместе, чтобы добиться важных достижений. Мы не наивны. Мы знаем, что у нас всегда будут разные мнения. Часто расхождения во мнениях в большей степени относятся к средствам, чем к целям. Случаются разногласия и гораздо более серьезные. Мы работаем над их разрешением, чтобы развеять «дипломатический туман» и распознать общие стратегические потребности, на которых основывается качество нашего будущего.

Русские, американцы, европейцы, да пожалуй, и все человечество имеют историческую возможность достичь прочного улучшения своего положения. Экономическая глобализация, быстро развивающаяся торговля и все более расширяющийся доступ к достижениям техники открывают новые, изменяющие жизнь горизонты. Растущая информированность и новые возможности вселяют надежду в сотни миллионов людей по всему миру, которые пробуждаются от невежества и страшивают с себя обреченность, нищету и угнетение, чтобы внести вклад в великое дело развития человечества. Ни одна страна не может воспользоваться всеми преимуществами владения полезными ископаемыми или обширным человеческим потенциалом вне безопасного мира, где царит порядок, который возможен только благодаря самозабвенной защите фундаментальных прав человека с помощью верховенства закона, свободы мысли, торговли и глобальной безопасности.

Примечательной чертой нового мира, в котором мы живем, является подъем в Азии. Международное сообщество признает огромные возможности и исключительную ответственность России в качестве моста между Европой и развивающейся Евразией. Это развитие событий обладает потенциалом для России и мира. Я не могу представить себе ничего более вредного для наших общих интересов, чем если мы не воспользуемся этой уникальной возможностью и евроатлантическое сообщество безопасности будет признано мифом. Сейчас, когда мы заглядываем в будущее и принимаем решения, которые определяют наш путь, давайте извлечем мудрые выводы из суровых уроков нашей общей истории. Создать будущее, к которому мы стремимся, будет нелегко. Препятствия, подводные камни и разногласия будут продолжать сопровождать нас на нашем пути. Лучшее будущее иллюзорно до тех пор, пока мы не сумеем их преодолеть, чтобы справиться со стратегическими вызовами нашего времени: распространением, открытием каналов международной торговли, обеспечением свободной торговли и уважением современного общественного договора между народом и правительством, который является, в конечном счете, гарантом безопасности и национального величия.

Мы все являемся влиятельными членами международного сообщества. На нас возложены совместные задачи, включая лидерство в мире и выполнение своих обязательств по защите населения от преступлений против человечности и предотвращению распространения оружия массового уничтожения. Мы должны найти, обходя исторические препятствия, дорогу к лучшему будущему для людей, которым правительства призваны служить. К такому будущему стремятся не только русские, европейцы и американцы, но и все содружество народов. Поэтому давайте постараемся не упустить эту возможность. Мы знаем цену того, что поставлено на карту, понимаем существующие риски и знаем, что требования достижения лучшего будущего, мудрого руководства и добросовестного сотрудничества великих держав организационно закрепляют продвижение вперед за счет создания «Партнерства ради мира». Трансатлантическое сообщество имеет очень весомый голос в мире. Члены этого сообщества объединены общими интересами и общим достоянием. Сегодня то, что мы делаем вместе, может существенно повлиять на ход истории в лучшую сторону. То, чего нам не удастся добиться вместе, может привести к такому будущему, которое не заслуживает принесенного в жертву прогресса и абсолютно недостойно будущих поколений.

Великие союзы не нуждаются в противниках для того, чтобы вершить добро,

их кислород — это общие ценности, общие принципы и цели. Великие страны не нуждаются в том, чтобы притворяться хорошими. Величие определяется защищенными правами, выполненными обязательствами, счастьем и безопасностью наших народов. Подобно отношениям между отдельными людьми, продуктивные отношения между государствами возникают в результате доверия. Устойчивое доверие обеспечивается коммуникацией и усиливается в результате признания того, что наши взаимные интересы гораздо более значительны и прочны, чем наши разногласия. Давайте исходить из простой истины. Атрибуты современности — это конвергенция, а не изоляция и разделение, это прогресс, процветание и свобода. Сейчас наш долг, даже больше, дело чести — вместе продвигаться вперед, выполняя тяжелую работу по созданию такого будущего, каким мы хотим его видеть. Будет ли наше евроатлантическое сообщество безопасности мифом или реальностью? Мы знаем, каков должен быть наш выбор. Сейчас, когда мы расстаемся с прошлым, надо иметь в виду, что слово «сообщество» не только существительное, это также прилагательное — «общественный», «коллективный». Сообщество может привести к миру, стабильности, процветанию и сотрудничеству, обеспечить которые обязуются великие союзы и великие государства.

ФОЛЬКЕР РЮЕ, министр обороны ФРГ (1992–1998 гг.)

Господин Президент, мой ответ на вопрос, заявленный в названии этой конференции «Евроатлантическое сообщество безопасности: миф или реальность», будет несколько отличным от Вашего ответа. Это не миф и не реальность. Это концепция развития, реализуемая концепция. Я был потрясен справедливостью фразы в выступлении Джессики Мэтьюз о том, что сложнее преодолеть наследие холодной войны, чем наследие настоящих войн, унесших миллионы жизней. Это действительно так. Мышление времен холодной войны все еще присутствует у обеих сторон, и, если ситуация не изменится, данная часть света не будет готова играть соответствующую роль в новом мире.

С моей точки зрения, Россия относится к Западу. При создании НАТО ее первый Генеральный Секретарь лорд Исмей сказал, что у этой организации есть три цели: не впускать Россию, сдерживать Германию и не позволять Америке выйти из НАТО. Мы должны «впустить» Россию. И больше нет необходимости сдерживать Германию. А Америка? Она не осталась в Европе после Первой мировой войны, но сегодня ее военное присутствие там — это очень необычное явление. И для того, чтобы это присутствие было обоснованным в XXI веке, необходимы совместные

целесообразные действия. Мы не можем просто продолжать жить так же, как раньше, иначе НАТО станет ненужным. Поэтому необходимо принимать решения. Россия должна определиться со своей принадлежностью, а мы должны решить исторический вопрос об «открытии» границ НАТО. Я думаю, что это возможно: США, Европа и Россия решают одни и те же проблемы, поэтому и должны действовать сообща. Необходимы новые институциональные структуры для определения этой новой точки отсчета.

О ситуации в НАТО. В организации нет единого согласованного отношения к России. Есть страны, которые до сих пор боятся России. У каждой из стран своя история, но мы не можем оставаться заложниками прошлого. Я абсолютно уверен, что мы способны изменить эту ситуацию. Многого было достигнуто во взаимоотношениях между Россией и Польшей, и я надеюсь, что то же самое произойдет и со странами Балтии. Уверен, что боязнь России не станет тем связующим звеном, которое будет удерживать страны НАТО вместе в XXI веке. Очевидно, что защита от России не является предопределяющим фактором будущего существования НАТО, но я не уверен, что все и всегда об этом помнят.

По сравнению с периодом холодной войны, временем экзистенциальных политических конфликтов между Советским Союзом и странами Варшавского договора, с одной стороны, и НАТО и Соединенными Штатами, с другой стороны, современные политические конфликты не настолько опасны, однако все еще существуют милитаризованные структуры и ядерное наследие. Эти структуры должны быть адекватны реально существующим конфликтам, но в современном мире это не так. Межконтинентальные баллистические ракеты (МБР) были разменной монетой холодной войны, но они не могут быть «валютой» XXI века. Определяя международный статус государства, мы смотрим на его экономические показатели, технологии, устойчивость развития, оцениваем политическую систему с точки зрения ее привлекательности внутри страны и за рубежом. Только потом становится возможным оценить и военный аспект, и именно это необходимо понимать, поскольку сейчас мы живем в иной ситуации.

Последнее замечание, уже не относящееся к компетенции министра обороны: для создания доверия необходимо обеспечить миллионам людей простую возможность встречаться. Именно так сблизились и стали хорошими друзьями страны Европейского союза. Привлекательность Европейского союза зависит от его открытости. Необходимо продвижение в этом направлении несмотря на административные барьеры и миграционные квоты. Давайте сделаем этот вопрос одной из тем следующей встречи.

Совместное развитие ставит множество вопросов. В завершение хочу отметить, что мы уже видели, какие значительные изменения происходили в Европе, поэтому необходимо сделать еще один шаг и использовать это окно возможностей для построения доверия, и я бесконечно благодарен всем вам, участвующим в создании нового мира.

УИЛЬЯМ ПЕРРИ, профессор Стэнфордского университета, министр обороны США (1994–1997 гг.)

Каким образом США справляются с сегодняшними конфликтами и угрозами, и какую роль в совместных усилиях может сыграть Россия? Каковы возможности контроля над вооружениями, начиная с Ирака и Афганистана? Наконец Ирак встал на путь реального прогресса, и мы вывели военный контингент. Не думаю, что Ирак станет маяком демократии, как когда-то надеялись, однако считаю, что ситуация будет лучше, чем при правлении Саддама Хусейна. В настоящее время мы «выходим из игры» в Афганистане, и думаю, этот процесс будет идти быстрее, чем сейчас заявляет наше правительство.

Мы вошли в Афганистан, чтобы победить Аль-Каиду, захватить или уничтожить Усаму Бен Ладена. С той поры наши задачи расширились: они включают в себя планы по восстановлению Афганистана. Мы ограничим наши будущие действия в Афганистане целями борьбы с терроризмом, чтобы Афганистан не стал вновь базой международного терроризма. Кроме того, мы предложим Афганистану нашу помощь в подготовке сил безопасности. Если мы изменим формат своего пребывания в Афганистане именно таким образом, то это потребует значительно меньшей численности воинского контингента и количества военных баз, чем в настоящее время, что приведет к существенному снижению присутствия сил США и НАТО в стране.

Обратимся к Пакистану. Я считаю, что на сегодня это самый взрывоопасный регион в мире. Пакистанцы располагают более чем сотней ядерных устройств и тоннами ядерного топлива, причем они наращивают эти объемы. В стране идет жестокая радикальная междоусобица, которая угрожает существованию и без того слабого правительства. Пакистан сегодня — самая опасная страна в мире с точки зрения распространения ядерного оружия, которая уже развернула деятельность сети А. К. Хана в нескольких странах. До сих пор остается реальной извечная угроза индо-пакистанского военного конфликта. Достаточно лишь представить себе еще один террористический акт, сопоставимый с терактом в Мумбаи, так сказать, Мумбаи-2. Возможный конфликт вполне может перерасти в полномасштабную ядерную войну.

Существует опасность, что военная операция в Иране состоится уже в этом году. Это вполне может быть удар с воздуха по ядерным объектам Ирана силами военной авиации Израиля или Соединенных Штатов, что может привести к непредсказуемым последствиям. Перед тем, как начать обсуждение применения военной силы, нужно использовать все имеющиеся дипломатические средства, включая финансовые санкции (принудительную дипломатию). Такие санкции будут гораздо более эффективны, если к ним решительно присоединятся Россия и Китай.

Северная Корея уже располагает пятью-шестью ядерными устройствами. Я не

считаю, что северокорейское ядерное оружие представляет собой прямую опасность для Соединенных Штатов. Северная Корея не обладает межконтинентальными средствами доставки, да если бы таковые у нее и были, это легко поддается учету. Однако она представляет собой очень серьезную угрозу для Японии и Южной Кореи. К тому же Северная Корея занимается поставкой ядерных материалов, технологий и оборудования в другие страны. Недавними примерами такой деятельности являются Ливия и Сирия. Нам также известно, что Северная Корея сотрудничает в этой сфере и с Ираном.

Теперь давайте перейдем к американско-российским отношениям. Военная стратегия США, обнародованная в прошлом году, ясно и четко определяет, что основную угрозу для страны представляет крайний экстремизм, в особенности — опасность завладения экстремистами оружием массового уничтожения, в частности, ядерным оружием. В документе ясно говорится, что его авторы не усматривают угрозы военного конфликта с Россией, напротив, подчеркивается стремление к сотрудничеству. Между Россией и США не существует каких-либо серьезных проблем в сфере безопасности; все угрозы безопасности США исходят от других стран либо это угрозы международного плана. По моему мнению, и угрозы безопасности для России исходят не от США, а от третьих стран и источников международного масштаба.

Я полагаю, что наибольшую угрозу представляет ядерное оружие. Эта угроза в равной степени актуальна для обеих стран, и наиболее продуктивным способом противостоять ей является тесное сотрудничество. К сожалению, это сотрудничество становится все более сложным. Чтобы добиться реального прогресса, нужно преодолеть взаимное недоверие и построить доверительную модель отношений. Хорошим примером такого сотрудничества может стать технический диалог между нашими ядерными исследовательскими центрами. В течение десятка лет после окончания холодной войны мы вели интенсивный диалог между нашими ядерными исследовательскими лабораториями относительно технических аспектов повышения безопасности ядерного оружия и того, как обеспечить его защиту от посягательств террористов. Это был очень результативный и полезный диалог. В течение последнего десятилетия он иссяк. Я считаю, что крайне важно возобновить диалог ученых и восстановить полномасштабный обмен технической информацией.

Необходимо разрешить наши абсурдные разногласия по поводу баллистических ракет. Для этого нужна лишь добрая воля наших правительств. Я надеюсь, что это произойдет в нынешнем году.

Также считаю необходимым активизировать сотрудничество в плане борьбы с угрозой попадания ядерного топлива ненадлежащим адресатам. Мы уже провели одно совещание по этой проблеме в Вашингтоне, второе скоро начнется в Корее. Это возможность достичь нового прогресса. Хочу предложить провести одно из предстоящих совещаний на высшем уровне или конференций по ядерному топливу здесь, в Москве. Это было бы очень уместно.

И наконец, позвольте мне сказать о дальнейшей работе над Договором о СНВ. Одной из задач этой работы станет принятие решений об уменьшении количества единиц, возможно, менее одной тысячи. Еще более важной задачей будет предметное и эффективное урегулирование проблем по ядерному оружию, не подлежащему зачислению: неразвернутые единицы или оружие, находящееся в

резерве, и тактическое ядерное оружие. Было крайне затруднительно найти способы сокращения этого оружия, так почему бы нам не подойти к этой проблеме следующим образом: хотя бы заявить наличие средств и предоставить их для инспектирования. Это станет большим шагом вперед и не будет затрагивать спорные вопросы стратегического плана, которые в настоящее время тормозят продвижение вперед.

Вот лишь небольшой перечень примеров, где мы можем достичь реального прогресса в ближайшем будущем. В более общем плане нам необходимо самим определять спорные и трудноразрешимые проблемы и пытаться их разрешать, поскольку это в наших собственных интересах. Самое главное — добиться взаимного доверия, построить модель доверительных отношений и на этой основе разрешать наиболее сложные проблемы между нашими странами.

ДЕСМОНД БРАУН, министр обороны Великобритании (2006-2008 гг.)

Я горжусь той небольшой ролью, которая мне была предложена, и возможностью выступить с докладом. Это еще и результат моей неустанной веры в реальность создания евроатлантического сообщества безопасности. Люди моего и более старшего поколения несут ответственность за создание основ такого сообщества.

Как ответственный за созыв Совета недавно созданной Европейской сети лидерства я хочу выразить надежду, что это будет первая из многих возможностей сотрудничества между Российским советом по международным делам и Европейской сетью лидерства.

Несмотря на два десятилетия заявлений о том, что холодная война закончилась и наступила новая эра сотрудничества между США, НАТО и Россией, правда заключается в том, что наши взаимные отношения по-прежнему характеризуются глубоким недоверием. Мне кажется, что это недоверие существует с обеих сторон и отражается на дебатах по противоракетной обороне, нестратегическому ядерному оружию и балансу обычных вооружений в Европе и на так называемых замороженных конфликтах на Кавказе. Недавние разногласия по поводу того, как реагировать на изменения на Ближнем Востоке, особенно в связи с Сирией, еще более затрудняют сотрудничество между нами.

Я знаю, что в России существует озабоченность по поводу того, что НАТО злоупотребила своей военной мощью не только в Косово и Ливии. Сейчас НАТО добивается согласия Совета Безопасности ООН поступать подобным образом в своих собственных, а не в более широких международных, интересах. Знаю, что существует озабоченность, связанная с возможностью США использовать ядерные

боеголовки на своих стратегических ракетах против других государств. И знаю, что есть тревога, связанная с потенциальным развертыванием баллистических ракет противоракетной обороны со стороны НАТО с тем, чтобы подорвать эффективность российского стратегического ядерного сдерживания.

С другой стороны, у некоторых восточных членов НАТО по-прежнему остается страх перед Россией, глубокая озабоченность в отношении российских запасов нестратегического ядерного оружия и их близости к границам НАТО. Некоторые считают Россию готовой использовать военную силу для урегулирования споров в таких местах, как, например, Грузия, или в других частях российского ближнего зарубежья.

Можно продолжить этот список. Но вместо этого позвольте мне поставить перед данной аудиторией несколько вопросов: куда приведет нас недоверие? Хотим ли мы, чтобы наши взаимоотношения продолжались в таком же духе неопределенное время или даже стали еще хуже? Хотим ли мы, чтобы недоверие продолжало нарастать до такой степени, что любые будущие разногласия могут превратить его в реальный, опаснейший кризис между нами? Хочет ли кто-нибудь всерьез возврата к холодной войне и повторения ситуации балансирования на грани войны? Я думаю и надеюсь, что нет.

Недоверие в основном является наследием холодной войны и антагонистического мышления тех времен. Мы, поколение лидеров и мыслителей, которые выросли во времена холодной войны, обязаны решать эти вопросы. В нашу эру меняющегося климата, глобализированной торговли, регулируемой через Всемирную торговую организацию (ВТО), транснационального терроризма, являющегося угрозой для всех нас, мы должны оставить недоверие позади.

Это верно, что географически мы разделяем общее евроатлантическое пространство безопасности, но никто из нас не сделал достаточно, чтобы эта географическая общность превратилась в действительно общее сообщество безопасности. Что можно сделать, чтобы помочь нам достичь этого?

Я хотел бы высказать пять кратких соображений. Во-первых, о противоракетной обороне. С моей точки зрения и точки зрения моих коллег, на последнем совещании рабочей группы Евроатлантической инициативы в области безопасности, посвященном противоракетной обороне, было признано, что приоритетной практической задачей является безотлагательное создание совместных центров сотрудничества Россия — НАТО. Центры нужны для сбора и обмена данными спутников и радаров в реальном времени, укрепления доверия и обеспечения общего уведомления о любом нападении с применением ракет. Также следует возобновить и расширить совместные командные учения, включив в них оборону против ракет среднего и промежуточного радиуса действия. Такое сотрудничество должно быть построено на принципе национального суверенитета, и каждая сторона в процессе взаимодействия должна защищать свою собственную территорию.

Чтобы выйти из этого тупика и начать продвижение к сотрудничеству, Соединенные Штаты и их союзники по НАТО должны быть готовы указать максимальное количество перехватчиков, которые должны быть развернуты в фазе IV «Поэтапного адаптивного подхода» к созданию планируемой НАТО системы ПРО. Такое количество должно подлежать стратегическому пересмотру каждые четыре-пять лет с учетом изменяющейся ракетной угрозы, но предоставить определенные

цифры, наверное, возможно, и это явилось бы ценной мерой укрепления доверия. Я так вижу решение этой проблемы, поскольку думаю, что, если бы мы поменялись ролями, НАТО попросила бы Россию сообщить такие цифры и поэтому она сама должна поступить таким же образом.

Во-вторых, я считаю, что президенты США и России должны поставить перед своими военными руководителями задачу поиска путей продления времени предупреждения и принятия решения в отношении ядерного оружия. Слишком много оружия находится в режиме высокой боевой готовности. Это абсолютно ничего не дает для усиления безопасности обеих сторон и является опасным наследием холодной войны. Если бы наша общественность знала об этом, она вполне вероятно, и справедливо, пришла бы в ужас, и нам необходимо отреагировать на это.

В-третьих, нам необходимо продвинуться вперед по вопросу нестратегического ядерного оружия. С моей точки зрения, нестратегическое ядерное оружие США, в настоящее время размещенное в Европе, в военном отношении бесполезно. Количество такого оружия должно быть сокращено, сосредоточено на меньшем количестве баз и в конечном счете полностью ликвидировано. Не все в НАТО согласны со мной, и пока неясно будущее этого оружия.

Я знаю, что до настоящего времени российская позиция заключалась в том, что нестратегическое ядерное оружие необходимо убрать с территории некоторых государств, прежде чем начинать любые дискуссии о российском оружии этой же категории. Я заявляю совершенно честно, что Россия имеет сильные позиции в этой категории оружия и, как известно, размещено оно очень близко к территории НАТО, особенно в районе прибалтийских государств. С другой стороны, самое близкое по отношению к российской территории нестратегическое ядерное оружие НАТО находится в Турции, примерно на расстоянии 800 км. Полагаю, что Россия в собственных стратегических интересах должна быть готова договориться о выводе американского нестратегического оружия из Европы в обмен на небольшое сокращение ее собственных запасов, увеличение транспарентности по общему количеству и местонахождению оружия, принадлежащего к этой категории, и на отвод некоторых российских систем на большее расстояние от границ НАТО. Нельзя рассчитывать на прогресс без взаимности.

В-четвертых, мы должны обеспечивать выполнение нового Договора о СНВ, который предусматривает режим контроля, укрепляющий доверие и стабильность в важной сфере отношений между США и Россией. Этот договор является наилучшим «якорем безопасности» для наших отношений, и мы должны обеспечить его дальнейшее существование. Любое невыполнение договора или выход из него любой из сторон немедленно приведет к замене надежной информации о развертывании ядерного оружия к полному ее отсутствию, что только усугубит недоверие.

В-пятых, я призываю всех установить баланс в тех областях, где у нас имеются противоречия, за счет сотрудничества по широкому кругу вопросов, таких как торговля, энергетика, рациональная эксплуатация Арктики, борьба с терроризмом, стабилизация в Афганистане и другим вопросам. У нас много общих проблем и много будущих возможностей, которые мы можем совместно использовать. Хотя большая часть моих высказываний касалась военных вопросов, я думаю, что процветающее и мирное будущее наших детей будет строиться на этой гораздо более обширной территории сотрудничества.

ГУМАНИТАРНЫЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ БЕЗОПАСНОСТИ

ТУРБЬЁРН ЯГЛАНД,

Генеральный секретарь
Совета Европы

Мне выпала большая честь выступить на этой важной конференции по очень значимому вопросу, и я воспринимаю это как знак того большого внимания, которое вы придаете «мягкой силе», а именно Совету Европы, который я представляю. Именно поэтому начну свое выступление с экскурса в историю, с вопроса — почему Европа стала такой, какой мы видим ее сегодня, с ее стабильностью и стремлением к сотрудничеству.

Прежде чем мы достигли нынешнего состояния, были XVIII и XIX века — время не только создания наций и Эпохи Просвещения, но и время национализма, а в XX веке мир пережил две масштабные войны. Следует помнить, что фактически это была одна война, в результате которой мир перешел от национализма к интернационализму, создал Организацию Объединенных Наций (ООН) и принял Всеобщую декларацию прав человека. С этого времени можно утверждать, что мы живем в «конституционной демократии», как я ее называю, то есть большинство населения страны не может делать все, что захочется, поскольку есть ограничения, накладываемые правами человека и международным правом, и полномочия государства подвержены таким же ограничениям.

Идеи ООН и Всеобщей декларации прав человека начали реализовываться в Европе после того, как Уинстон Черчилль сразу после окончания войны выступил в Страсбурге, где его речь слушали миллионы людей, и сказал: «Мир в Европе должен быть основан на правах человека и главенстве закона, поскольку мы видели, что там, где заканчивается главенство закона, — начинается тирания». Всемирная декларация прав человека создала глобальный инструмент для обеспечения этих прав и поддержания главенства закона на всем континенте. Прежде всего в тех демократических режимах, которые пережили войну или были созданы сразу после ее завершения. Кроме того, было создано большое количество контролирующих организаций во главе с Европейским судом по правам человека, который сегодня предоставляет возможность 800 миллионам людей, живущих в Европе, обратиться в этот суд, если они полагают, что действия властных органов не отвечают идеям или стандартам Европейской конвенции о защите прав человека. Это беспрецедентный механизм. Мы помним об этом, и то, что создано в Европе, действительно является единственным реальным воплощением Всеобщей декларации прав человека, поскольку принципы

этой декларации отражены в действии механизма, возглавляемого Советом Европы.

Система общих ценностей и стандартов является одной из составляющих частей современной Европы. Без этих ценностей и тех институтов, которые их поддерживают, невозможно было бы задумать и создать Европейский союз.

При изучении истории в период после падения Берлинской стены становится понятно, что никакая страна не смогла бы стать членом Европейского союза без вступления в Совет Европы и без применения стандартов Европейской конвенции о защите прав человека. Без соблюдения этих общих стандартов мы не смогли бы обеспечить существующую сегодня безопасность. Общие ценности и стандарты являются основанием для интеграции Российской Федерации в Европу, и это не под силу ни одной другой организации. Я с большим уважением отношусь к ОБСЕ (Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе), которая выходит за рамки Европы, но напоминаю, что Совет Европы действует на основании конвенции. Эта конвенция является обязательной для всех. Совет Европы тоже выходит за рамки географической Европы: мы заключили соглашения с правительствами Марокко и Туниса, сотрудничаем с Иорданией в области создания демократических институтов, обсуждаем соглашения с Казахстаном и Кыргызстаном. Для нашего континента очень важна возможность распространения в соседних странах той же самой системы ценностей, которая была создана в Европе после Второй мировой войны. У нас есть система коллективной безопасности. Во времена холодной войны на западе была НАТО, а на востоке — Варшавский договор. После падения Берлинской стены существовала система коллективной безопасности, основанная на прогнозируемых связях между НАТО и Россией. Были и проблемы, но, в конце концов, они разрешались предсказуемым образом. Однако есть определенные угрозы существующему положению дел.

Одной из таких угроз является конфликт, разворачивающийся за пределами Европы, но способный привести к усилению напряжения в самой Европе. Например, если нам не удастся разрешить проблему ядерного вооружения Ирана, можно ожидать, что она окажет значительное воздействие на политику Европы. Мы не знаем, как распределение экономической мощи в глобальном масштабе скажется на взаимоотношениях внутри Европы. Меня больше заботят усиливающиеся угрозы, исходящие из Европы и связанные с ксенофобными тенденциями, углублением напряженности между этническими и религиозными группами, проявлениями ненависти и ростом насилия в обществе, которые мы видим повсеместно в современной Европе.

Традиционная европейская проблема — как жить вместе и сохранить разнообразие — опять выходит на первое место. Даже по мере снижения остроты экономического кризиса эти проблемы остаются нерешенными. Расслоение углубляется, и нам приходится смириться с ним. Хуже всего то, что во многих местах национализм опять используется как действующий политический инструмент. Давайте вернемся к истории - национализм всегда был порождением и источником зла. Поэтому основной задачей политики в Европе является поддержание и защита общих ценностей, которые обеспечили непревзойденную стабильность и дух сотрудничества, а также дальнейшее развитие этих институтов.

Я бы хотел стать свидетелем расширения сотрудничества между НАТО и Россией. Необходимо завершить создание юридической структуры на нашем континенте.

Беларусь, по определенным причинам, до сих пор не является членом Совета Европы, а Европейский союз как таковой не является участником Европейской конвенции о защите прав человека и членом суда в Страсбурге, и именно этот вопрос мы обсуждаем в настоящее время. В Лиссабонском договоре было указано, что Европейский союз присоединится к Европейской конвенции о защите прав человека и станет одной из высоких договаривающихся сторон в Европейском суде по правам человека. Крайне важно, чтобы такой значимый участник, как Европейский союз, придерживался тех же самых стандартов и ценностей и использовал бы тот же самый суд, как и его 47 стран-участниц. Это станет историческим событием, если оно свершится.

Я еще раз хочу подчеркнуть значимость прав человека и главенства закона для мира и стабильности. Посмотрите на события на юге Средиземноморья. Почему там вспыхнули революции? Потому что не хватало демократических институтов, не хватало свободы волеизъявления, не было системы взаимоограничения властей, и поэтому появились коррупция, злоупотребление властью и силой. И, в конце концов, народ больше не смог терпеть и вспыхнула революция. Это обычный случай в истории революций.

Сегодня многие говорят о том, что авторитарные режимы выходят на первый план глобальной экономики. Я не верю в это. Это только временное явление, поскольку без демократических институтов, без системы «сдержек и противовесов» они столкнутся с теми же самыми проблемами: коррупция, бесхозяйственность, злоупотребление властью и расслоение общества, с которыми они не смогут справиться из-за отсутствия демократических институтов, свободы волеизъявления и свободных средств массовой информации, которые могли бы критиковать существующую ситуацию. Поэтому при условии глобализации экономики победителями станут демократические сообщества, а это является необходимым условием для мира и стабильности.

Я хорошо знал Вилли Брандта, он был выдающимся представителем Европы. Мы неоднократно встречались в Бонне, и он всегда приглашал меня в ресторан на берегу Рейна. Однажды он сказал: «Почему это случилось в Европе? Все эти концентрационные лагеря? Почему, в конце концов, союзники решили высадиться во Франции, прокладывая дорогу к Рейну, и, отвоевывая каждый метр, дошли до Берлина? Они знали, что через 15 минут после их высадки на французском побережье будут убиты тысячи и тысячи молодых людей, но у них не было другого выбора. Русские шли с другой стороны и несли еще большие потери. Как это могло случиться?». Я ответил, что есть много объяснений, но очевидно одно — когда нацисты начали отправлять евреев в лагеря, люди думали, что если не смотреть в эту сторону, можно остаться в безопасности. Тогда это касалось только евреев. Но, в конце концов, никто не был защищен. Поэтому нам необходимо понять, что безопасность континента, безопасность людей и защита прав человека — либо для всех, либо ни для кого. Это очень важная мысль, которая должна найти отражение в будущих концепциях, поскольку без нее невозможно достичь никакой безопасности.

ТОРКУНОВ **АНАТОЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ,** академик РАН, ректор МГИМО (У) МИД России

Вряд ли после двадцати лет совместного проживания в постбиполярном мире, совместного участия в многосторонних механизмах, требующих гуманитарной и правовой солидарности, да и по прошествии столетий совместной, переплетенной генетическими узами истории Европы есть смысл ригористически рассуждать об общих ценностях. Общие ценности — это что-то воспринимаемое на уровне базовых социально-поведенческих установок. Вместе с тем, мы не застрахованы от девиаций и извращений в понимании этих ценностей: инквизиция, революционный террор, нацизм — яркие примеры этому. В конвенциональной ситуации, а именно таковая сейчас наличествует в Европе, дискуссия о ценностях может проходить исключительно в разрезе интерпретации юридических, прикладных элементов реализации этих ценностей, личных, социальных и национально-суверенных прав и свобод.

Гораздо более проблемным и неструктурированным предметом дискуссии является недоверие и его преодоление. Сам феномен недоверия — многослойный и имеет склонность к негативной динамике развития. Эта динамика зачастую может носить буквально взрывной характер. Подавление Венгерского восстания в 1956 году или ввод войск в Чехословакию моментально увеличили объем недоверия в отношениях с нашей страной. Дезавуированные «новым политическим» мышлением страхи и комплексы Центральной и Восточной Европы перед СССР/Россией в той же Польше возвращались на всем протяжении 90-х годов. Недоверие в отношениях со многими странами Западной Европы — это недоверие не на почве взаимных обид, а на базе элементарного незнания современной России. Мозаично-отрывочные представления о «русской душе», иллюстрированные ссылками на мало кем прочитанного Достоевского, явно недостаточны для формирования современного адекватного имиджа страны.

Процесс преодоления недоверия имеет свою функциональную структуру, которая включает в себя определенные уровни диалога: политико-стратегический, экономический, гуманитарно-культурные связи, личностные контакты, а также институты реализации этого диалога. Оговорюсь, речь идет не только о формализованных двусторонних структурах, но и о многосторонних институтах, таких как Совет Европы, ЕС, ОБСЕ. Если мы хотим достичь серьезных успехов в преодолении недоверия, то начать нужно с комплексного анализа всей функциональной структуры.

Новым элементом социального сплочения и многостороннего взаимодействия являются сетевые структуры, представленные, прежде всего, в Интернете. Умеем ли мы использовать эти сетевые структуры для преодоления недоверия, или они способны преследовать только узкосекторальные интересы и ad hoc цели? Тот же «Фейсбук» или его русские аналоги распадаются на множество сообществ, которые, в конечном счете, оукливаются, замыкаются и не выполняют функции создания «мира без границ». Скорее, границы начинают проходить по темам и интересам. Экономические механизмы и бизнес-сообщество лучше других факторов работают на преодоление недоверия и стереотипов. И именно в экономической сфере удалось создать всеобъемлющие правила стандартизированного поведения — правила ВТО.

ЧУБАРЬЯН АЛЕКСАНДР ОГАНОВИЧ, академик РАН, директор Института всеобщей истории РАН

Не может быть случайным, что конференция, столь широкая и представительная, на которой присутствуют не только известные российские специалисты по международным отношениям, ученые, историки, социологи, политологи, работники Министерства иностранных дел и дипломаты, начинается с практической секции или с заседания, посвященного проблемам общих ценностей и гуманистического фактора. Вообще, существует такое мнение, что XXI век будет веком гуманизма, веком интереса к гуманитарному знанию, гуманитарному образованию, и проблемы гуманистические, а точнее сказать, связанные с ролью человека, человеческого фактора, займут преобладающее место и в истории XXI столетия, и в развитии мировой политики. Поэтому можно с точностью сказать, что гуманизация, пронизывающая собой, в том числе, и международные отношения, займет довольно значительное место в предстоящем десятилетии. Для нас очень важно определить сущность, смысл этих гуманистических проблем именно применительно к международным отношениям, применительно к сфере дипломатии, взаимоотношениям между странами и народами. В последние годы одна из популярных тем, которая активно развивается на международных конгрессах, на внутренних заседаниях — это проблема так называемого «образа другого» или «образов других». Речь идет о взаимных образах и представлениях стран и народов друг о друге. Эта проблематика уже несет в себе заряд довольно сильного гуманистического начала, потому что представления людей, стран и народов друг о друге предполагают культурно-психологический и прочие факторы, связанные с восприятиями людей. Они же прокладывают путь к тому самому преодолению недоверия. Существуют некие общие параметры, связанные с гуманизацией общества: проблемы культуры, толерантности, преодоления

ксенофобии, национальной ограниченности, шовинизма — все это, прежде всего, органически связано с гуманизмом.

Я не поклонник теории Самуэля Хантингтона о столкновении цивилизаций, но сегодня даже в благополучной Европе мы наблюдаем определенный, то, что называется многими политологами, цивилизационный разлом. Речь идет о столкновении разных культур, разных цивилизаций и, в сущности, о поисках механизма адаптации одних культур, цивилизаций к другим, диаспор — к основному населению этих государств. Речь идет о взаимодействии исламского и христианского факторов, и в этом взаимодействии цивилизаций заложено очень большое позитивное начало для преодоления недоверия.

Я не сторонник драматизации и не считаю, что мы возвращаемся к периоду холодной войны, хотя даже в тот период были некоторые правила игры, которые позволяли преодолевать возникавшие противоречия. Но все же сегодня человечество имеет перед собой слишком много вызовов, для отпора которым мы должны мобилизовать все наши интеллектуальные и прочие ресурсы.

Если говорить применительно к Европе, то существует повсеместный интерес к проблемам национальной идентичности. В странах Западной Европы оказалось, что идея отцов-основателей Европейского союза о возможности выработки некоего универсального подхода, универсального начала не оправдалась. Есть очень успешное экономическое взаимодействие, взаимодействие в области образования, мобильности, но все страны продемонстрировали явное нежелание жертвовать своей культурной идентичностью, стараются сохранить языковую и религиозную принадлежность, тот культурный код, который накоплен в их странах за многие столетия. Изучение этих процессов в научном и в дипломатическом мире — очень существенный фактор для преодоления недоверия, которое существует и иногда даже нарастает в современном мире.

Должен сказать, что и внутри нашей страны, и во всем мире, существует явное смещение интереса к технократическим проблемам в ущерб гуманизации. Мы должны иметь это в виду и стимулировать поиски гуманистических аспектов международных отношений. Именно в этом, как мне кажется, заложено главное начало для преодоления недоверия. Дискуссии о недоверии, которые сегодня существуют, конечно, в большой мере драматизируются средствами массовой информации. Я не думаю, что есть сильные антирусские настроения в Соединенных Штатах Америки, а тем более, в Европе. Я не верю в сильный антиамериканизм, о котором пишут применительно к российскому населению, к российскому обществу, тем более, у нас почти нет антиевропеизма. Но все эти сюжеты довольно сильно, активно и настойчиво драматизируются в средствах массовой информации. Поэтому наша задача состоит в том, чтобы преодолевать клише и стереотипы прошлых времен, которые сегодня очень часто реанимируются в конкретной политической и мировой практике.

Есть еще одна проблема, которая очень нас интересует. Это проблема так называемого постсоветского пространства. Для России это очень важный аспект. Именно на этом пространстве должны моделироваться и восстанавливаться те позитивные отношения, которые существовали в течение многих веков. Речь идет о том, как трактовать тот период общей истории, когда эти страны, ныне независимые государства, были в составе Российской Империи, а потом Советского Союза. Должен сказать, что за последние годы нами сделано довольно много. Уже в течение десяти

лет существует такой механизм, как Ассоциация директоров институтов истории стран СНГ. В рамках этой структуры мы ведем активный диалог, мы встречаемся каждый год. Мы ведем диалог и обсуждаем все pro и contra, все позитивные и негативные факторы, которые сопутствовали развитию Российской Империи, Советского Союза; мы оцениваем вклад, который был сделан тогда в экономику ныне независимых государств, в культурные взаимовлияния. Должен также сказать, что мы придаем очень большое значение нормализации отношений со странами Балтии, несколько лет назад была создана Совместная комиссия историков России и Литвы, которая выпустила первый том документов «СССР — Литва: 1939–1941 годы», сейчас выходит второй том «СССР — Литва: 1941–1944 годы». Полгода назад была создана Совместная комиссия Россия — Латвия, которая готовит заседание осенью этого года в Риге, готовим мы и двусторонний семинар с эстонскими коллегами. На базе Калининградского Университета и московского Института всеобщей истории создают Балтийский институт, который будет заниматься вопросами балтийской цивилизации, проблемами безопасности, взаимодействия в Балтийском регионе. Мы ведем поиск диалога, в центре которого лежат поиски консенсуса, преодоление клише и стереотипов. Создание позитивных образов, мне кажется, составляет очень важную часть современного развития. Если говорить конкретно о преодолении недоверия, то один из важнейших факторов состоит в том, что надо искать компромиссы. Вообще, компромисс, стремление в диалогах идти навстречу друг другу — это старый, вечный механизм дипломатии и внешней политики, но сегодня он особенно важен. Он важен и в факторе культуры, и в факторе религии, и в факторе, конечно, политики, взаимоотношений, преодоления прошлых стереотипов, и как важнейшее средство для ухода от недоверия к поискам консенсуса.

ЛУКИН

ВЛАДИМИР ПЕТРОВИЧ,

уполномоченный по правам человека в Российской Федерации

Если существует человечество, то есть ли общечеловеческие ценности? Или же верен анекдот про политику Советского Союза: «Что мое — то мое, а что твое — об этом давай вести переговоры»? Вот в чем состоит главный вопрос. Россия получила в наследство советский подход, когда собственные ценности считались единственно верными, что воплощалось в соответствующую внешнюю политику. Однако абсолютизация собственных ценностей и их политизация (убежденность в том, что ценности должны быть тесно связаны с политическим курсом) ошибочны.

На мой взгляд, теория общечеловеческих ценностей в принципе верна, потому что человечество явно движется в направлении усиливающейся взаимозависимости.

Но в том виде, в котором эта теория формулировалась в России в первые годы постсоветского периода, она была несколько наивной и оторванной от реалий мировой политики и умонастроений как в нашей стране, так и в других странах. Основные проблемы возникли скорее от того, что на эту теорию Запад не ответил, что, в свою очередь, привело к возникновению конфликтов. Кроме того, возникло ощущение невозможности добиться создания общих ценностей, что привело к серьезным дискуссиям в российском обществе.

Хотя постепенно и приходит понимание, что многие проблемы и вызовы требуют именно совместных действий на основе общего разделяемого понимания этих проблем, в России, в Европе и в США по-прежнему по инерции считают, что все-таки интересы важнее ценностей. В этой связи возникает проблема соотношения между ценностями и интересами. Глубоко убежден, что в том, что касается проблематики прав человека, нам необходимо поставить вопрос: возможно ли добиться некоторой ее деполитизации?

Проблема не в том, чтобы все согласились с существованием общих ценностей. Например, Соединенные Штаты при администрации Джорджа Буша-младшего были близки к тому, чтобы приравнивать свои национальные ценности к универсальным. Это концепция унилатерализма, она присуща и другим странам, в том числе России. Проблема в том, что чрезмерная политизация универсальных ценностей делает их, вольно или невольно, всего лишь инструментом в руках конкретных держав в проведении их собственных интересов. В результате такая политика порождает очень серьезный дефицит доверия. Выход из этого положения может быть только один — деполитизировать ценности.

За последние двадцать лет в отношениях России с целым рядом европейских стран и Соединенными Штатами были периоды очень неплохих отношений, и в это время заметно менялся подход к оценке соблюдения прав человека в нашей стране по сравнению с периодами, когда политические отношения ухудшались. Эта проблема существует, и такое отношение западных стран очень разочаровывает. Поэтому я сторонник того, чтобы проблематика прав человека была вынесена за категорию конкретной политики и привнесена в категорию базовых ценностей. Тогда мы сможем добиться взаимопонимания.

ДЖЕССИКА МЭТЮЗ, президент Фонда Карнеги за международный мир

Войну проще начать, чем закончить, — и это не историческая случайность, а прописная истина. Хотя, с моей точки зрения, тот факт, что завершить холодную

войну, в которой никто не погиб, по крайней мере, в странах, активно участвовавших в этой войне, оказалось сложнее, чем завершить войны, унесшие миллионы жизней, достаточно необычен. Если вспомнить об отношениях между США и Германией, или США и Японией, или между Россией и этими двумя странами и сравнить их с тем, что происходило в течение 20 лет после официального завершения холодной войны, неизбежно возникнет разочарование или недоумение: почему так мало изменилось, почему на интеллектуальном и организационном уровне все осталось так, как было? И, кроме всего прочего, осталось базовое, основополагающее недоверие, которое предопределяет все аспекты взаимоотношений. Если убрать это недоверие, мы увидим просто список вопросов, которые не так уж и сложно решить. Тот обзор и перечень вопросов, которые были предоставлены нам организаторами, очевидно показывают, как просто определить общие для США, Европы и России проблемы и угрозы. В моем списке находится распространение ядерного оружия, которое вызывает неоспоримое противостояние между Севером и Югом, а также те угрозы, которые неизбежно возникнут при продолжении работ по иранской ядерной программе.

Кроме того, есть еще и вопрос изменения климата, с которым мы очень скоро столкнемся и о котором так много и бестолково говорят, несмотря на очевидные научные доказательства. Из доклада Международного энергетического агентства за 2012 год совершенно ясно, что у нас есть только пять лет, чтобы полностью отказаться от использования ископаемого топлива, а мы даже и не начали действовать в этом направлении.

Терроризм и развал государств сами по себе уже являются достаточно сильными угрозами, которые действительно вызывают необходимость объединения всех доступных нам средств. С другой стороны, если попытаться составить список наших взаимных угроз, придется поскрести по сусекам, чтобы этот список не оказался слишком коротким. После окончания холодной войны осталось ядерное наследие. Оно представлено не только ядерными запасами, в частности стратегическими и тактическими, но и движущей силой технологического развития, особенно в области ракетной обороны, которой мы пугали друг друга в течение более чем полувека.

Если посмотреть на выводы комиссии Евроатлантической инициативы в области безопасности (EASI) глазами эксперта по внешней политике, некоторые из предлагаемых действий выглядят чрезвычайно сложными. Но если отстраниться от ситуации и спросить себя, насколько они действительно серьезны, то станет понятно, что на самом деле они довольно сдержанные. Если подходить к решению проблемы на основе недоверия, то ни один договор, или переговоры, или организация не смогут снизить уровень недоверия. Единственное, что можно сделать — это прощупывать почву, стоя на краю конкретных действий, что и предлагается в этом плане (EASI).

Мы находимся не только в географическом, но и в человеческом пространстве. События прошлого года на Ближнем Востоке и, по моему убеждению, в России, показали, что мы живем в абсолютно новом времени, когда отдельные люди опережают правительства, требуют от властей большего, чем в предыдущие годы, и способны вызвать изменения уже другого масштаба.

Комиссия EASI предприняла значимые шаги по созданию фундаментально новой интеллектуальной архитектуры, пытаясь стать соавтором новой концепции атлантизма. В нашей повестке дня осталась работа по созданию более тесных

взаимоотношений между правительствами, между теми институтами, которые не слишком интересуют общественность или не поддерживают связи с ней и гражданским сообществом. Нам необходимо найти пути к объединению.

РОБЕРТ ЛЕГВОЛД, профессор департамента политических наук Колумбийского университета

В начале нашей конференции я хочу высказаться по ее теме: «Евроатлантическое сообщество безопасности: миф или реальность». Очевидно, что это не реальность, и на самом деле я полагаю, что последние 20 лет мы двигались в противоположном направлении. В течение всего этого времени лидерам наших стран недоставало политической воли для движения в сторону создания евроатлантического сообщества безопасности.

Хочу остановиться на четырех моментах. Первое, в декабре прошлого года в Астане на саммите ОБСЕ главы стран-участниц сформулировали цель создания свободного демократического неделимого евроатлантического, евроазиатского сообщества безопасности, простирающегося от Ванкувера до Владивостока. Я только что участвовал в круглом столе четырех институтов, на котором должна была быть выработана концептуальная основа для этих идей. На этой встрече было много дискуссий в отношении того, должно ли сообщество безопасности иметь в своей основе общие ценности. Большинство участников круглого стола были из Западной Европы или Северной Америки, и они согласились с тем, что такое сообщество должно исходить из общих ценностей. Моя точка зрения по этому вопросу более сложная. Если имеется в виду надежное партнерство, результатом которого является последовательное достаточно всестороннее сотрудничество, тогда я согласен, оно действительно должно опираться на общие ценности. Организация, которая основана только на общих интересах, сможет обеспечить всего лишь выборочное, нерегулярное сотрудничество. Это то, что мы имеем сегодня, и то, что было в течение последних лет холодной войны.

Второе. Евроатлантическое сообщество безопасности невозможно создать одномоментно. Оно может возникнуть только как результат длинного и сложного процесса. В связи с этим я считаю, что общие ценности — это конец такого процесса. Они не могут быть его предварительным условием. Я хотел бы напомнить тем моим коллегам, которым не понравится такое заявление, что если бы это было не так, то сейчас не было бы НАТО, если бы это было не так, то не произошло бы эволюции от Общего рынка к Европейскому экономическому сообществу.

Третье. Я думаю, что мы часто не очень точны в отношении того, что мы

называем общими ценностями. Обычно речь о них идет в контексте уважения прав человека. Здесь проблема в глаголе, а не в существительном, поскольку российские лидеры утверждают, что они разделяют те же самые ценности прав человека. Однако проблема и споры связаны с их реализацией. Я полагаю, что будет правильным в честном и конструктивном диалоге обсудить вопрос о правах человека и их реализации. И если, конечно, злоупотребления в этой области не являются вопиющими, я считаю, что неправильно ставить весь процесс продвижения к нашей важной цели в зависимость от этого вопроса. Так, например, я считаю, что со стороны законодателей в моей стране не только неправильно, но и недальновидно блокировать долговременные нормальные торговые отношения с Россией из-за того, что они имеют возражения по поводу прав человека в России. Я думаю, что моя точка зрения тем более правильная, что уровень, на котором проблема общих ценностей отравляет наши отношения, в меньшей степени связан с поведением внутри страны, чем за ее пределами. Существует напряженность в отношениях между США и европейскими странами с Россией в связи с вопросом по Сирии. В основе всего лежит разное толкование общих ценностей. Люди, которые считают, что отсутствие согласия по Сирии является только результатом расхождений и отсутствия общих интересов, ошибаются. Основной проблемой в случае с Сирией является вопрос об общих ценностях, и США и европейские страны взаимодействуют между собой в этом вопросе опасным и неконструктивным образом.

Если мы хотим перейти от надежд к реальности в вопросе создания евроатлантического сообщества безопасности, тогда исключительно важным требованием, которое мы со всей определенностью выявили в течение двух лет наших бесед в рамках Евроатлантической инициативы в области безопасности, должно быть не изобретение новой архитектуры, новых институтов, не достижение согласия по новому договору или договорам, а скорее разработка процедуры, которая шаг за шагом приведет нас к этой важной цели. Я думаю, что мы можем создать евроатлантическое сообщество безопасности не с помощью прекрасных слов или грандиозных предложений, а в результате совместной работы над конкретными задачами. Таким образом, дорога к евроатлантическому сообществу лежит через сотрудничество, а не нравочения.

Четвертое и последнее. Практические меры, о которых я только что говорил, должны способствовать достижению нашей большой цели или за счет помощи в ликвидации препятствий на пути прогресса, или в результате придания поступательного импульса самому процессу. Одно из главных препятствий на этом пути — недоверие, которое характеризует отношения по основным направлениям. И здесь нельзя просто ограничиться сожалениями, необходимо в прямой форме и настоятельно решать эти вопросы в нашей политике.

С моей точки зрения, необходимо совместно работать над решением, по крайней мере, трех проблем. Первая — это сотрудничество в области ракетной обороны, где отсутствие доверия является основным барьером для достижения успеха и где успех действительно станет поворотным моментом. Но, с другой стороны, я думаю, что, когда обсуждаются положительные и отрицательные моменты переговоров по ракетной обороне, мало внимания уделяется вопросу о том, что будет в случае провала, а такой провал нанесет очень большой вред, и не только в области ракетной обороны.

Вторая проблема — это историческое примирение. Здесь сильно ощущается тяжесть исторического наследия, которое неконструктивно по своему эффекту и тесно связано с вопросом о недоверии как препятствии к продвижению к евроатлантическому сообществу безопасности. Те достижения, которые достигнуты в польско-российских отношениях благодаря, в значительной степени, усилиям академика А.В. Торкунова и министра А. Ротфельда и их коллег, должны быть использованы в качестве образца в Евроатлантической инициативе в области безопасности, и в отношении России с прибалтийскими государствами, и в отношении Турции с Арменией, Армении с Азербайджаном, и во многих других случаях. По этому вопросу в докладах Евроатлантической инициативы в области безопасности содержится целый ряд идей, которые, по моему мнению, помогут продвижению в этой области.

Наконец, третья проблема — это затяжные конфликты. На Берлинском круглом столе министр иностранных дел Г. Вестервелле сказал, что проблема не в том, что существуют замороженные конфликты, а в том, что решения заморожены. И еще один вопрос, который мы пытались решить в рамках Евроатлантической инициативы в области безопасности, — как добиться продвижения в этой области с помощью определенных идей. Возможно, вы захотите расширить этот список, но я думаю, что это три исключительно важные области, в которых мы должны достигнуть прогресса, если мы хотим ликвидировать главные препятствия для достижения этой цели.

РЕНЕ НЮБЕРГ, директор Восточного отделения финской промышленности, посол Финляндии в Российской Федерации (2000–2004 гг.)

Я бы хотел остановиться на одном из центральных аспектов преодоления недоверия, а именно, систематических усилиях по достижению исторического примирения. В докладе Евроатлантической инициативы в области безопасности был поставлен вопрос, над которым мы размышляли в процессе нашей работы: говорим ли мы об историческом примирении только в отношении затяжных конфликтов? Не слишком ли мы сконцентрировались на России и ее отношениях с соседями? Именно эти вопросы возникают в связи с Евроатлантическим регионом, когда мы говорим о примирении.

Замечательные успехи, достигнутые в отношениях между Польшей и Россией, вызвали огромное воодушевление в процессе заседаний рабочей группы. Российская сторона была представлена академиком А.В. Торкуновым, а А. Ротфельд был членом нашей рабочей группы. Вне всякого сомнения, это послужило источником вдохновения, а катастрофа, крушение самолета в Катыни, только подчеркнула весь драматизм

данного вопроса. По сравнению с польско-российским успехом такие достижения, как германо-французское или германо-польское примирение, представляются как важные исторические факты.

То же самое относится и к финско-российскому примирению. На самом деле мы никогда не говорим о примирении, мы не используем этот термин. Этот очень хрупкий и постепенный процесс был, в конце концов, признан Б.Н. Ельциным, когда он в 1992 году в президентском дворце в Хельсинки торжественно заявил, что Россия никогда больше не будет вмешиваться во внутренние дела Финляндии. Ельцин также возложил венок к памятнику жертвам войны — то, чего не сделал М.С. Горбачев несмотря на просьбу финской стороны и рекомендации Скандинавского отдела советского Министерства иностранных дел, но его товарищи по Центральному Комитету проголосовали против этого.

Когда В.В. Путин совершил свой первый визит в Финляндию в 2001 году, Администрация Президента спросила моего предшественника, какова будет процедура государственного визита короля Швеции в Финляндию. Администрации сообщили, что король возложит один венок к памятнику жертвам войны, а второй — к могиле маршала Маннергейма. Президент Путин сделал то же самое. Символическое значение произошедшего нельзя переоценить; для нас, финнов, это был волнующий момент, без необходимости всяких громких слов.

Достижение примирения — долгая, далеко не прямая дорога. Необходимо предпринять целый ряд шагов и пересмотреть устоявшиеся взгляды. Участие В.В. Путина 1 сентября 2009 г. в церемонии в Гданьске, посвященной годовщине начала Второй мировой войны, было важным событием. Так же как и в случае с Финляндией, для Польши война началась не в июне 1941 года. Нельзя понять финскую историю или историю финско-российских отношений, не вспомнив о нападении сталинского Советского Союза в ноябре 1939 г.

По понятным причинам рабочая группа сконцентрировала свое внимание на оставшейся невыполненной работе. Историческое примирение между Россией и Эстонией, Россией и Латвией, Россией и Литвой, как уже упоминалось, является, среди других вопросов, очевидной проблемой. Но я хотел бы остановиться на этих трех случаях поподробнее. В нашем докладе содержится список того, что необходимо предпринять России и ее прибалтийским соседям. Но не только им. Этот список был составлен очень тщательно, и я бы сказал, что он достаточно обширный и непростой. Ответственность ложится на партнеров, и мы должны помнить и подчеркивать, что более сильный партнер должен указать дорогу и сделать первый, пусть небольшой шаг, необходимый для того, чтобы начать процесс. Лично я очень горжусь списком выполненных задач в нашем докладе, в котором изложены принципы и детали долгого процесса к примирению между большими и малыми соседями. Позвольте мне привести несколько рекомендаций с тем, чтобы проиллюстрировать полученные результаты.

Необходимо углубить польско-российский процесс, проявив большую готовность по вопросу открытия архивов и способствуя увеличению количества трансграничных контактов среди населения. Следует расширить усилия по примирению на страны Балтии, поскольку улучшение отношений должно благоприятно отразиться на российско-прибалтийских экономических отношениях.

Также необходимо определить приоритетность решения сложных вопросов

в отношениях между Россией и странами Балтии. Открыть российские архивы, относящиеся к 1939–1941 годам, в той части, где они касаются стран Балтии, и учредить между Россией и каждым из прибалтийских государств совместные двусторонние комиссии по сложным вопросам и совместные комиссии историков. Насколько нам известно, существуют две комиссии. Есть совместная комиссия по сложным вопросам между Россией и Латвией, Россией и Литвой, но пока что нет комиссии между Россией и Эстонией.

Следовало бы вернуть национальные символы, которые были вывезены в Москву в 1940 году и до сих пор там находятся, например, золотые цепи эстонского президента. Они хранятся в Оружейной палате в Москве. Подготовить визиты российского президента на высшем уровне в каждое из трех прибалтийских государств, что позволит достичь символической нормализации двусторонних отношений. Такие приготовления повлекут за собой публикацию официальных заявлений по вопросу о насильственной аннексии вместе с официальным отказом прибалтийских государств от репараций, компенсационных требований к Российской Федерации. И, наконец, ратифицировать эстонско-российский договор о границе. Это не полный список, а просто иллюстрация того, какую работу проделала рабочая группа. Но, дамы и господа, по-прежнему остается вопрос: как дальше действовать? Как мы можем поддержать динамичное продвижение к этим целям? Как мы можем стимулировать этот процесс? «Что делать?» — извечный русский вопрос.

Россия и ЕС: потенциал сотрудничества

**ИНОЗЕМЦЕВ
ВЛАДИСЛАВ ЛЕОНИДОВИЧ,**
директор Центра исследований постиндустриального общества, член Президиума Российского совета по международным делам

Проблема отношения к Европе не нова для России: на протяжении многих столетий наша страна оценивала степень своего прогресса и направление развития через сравнение самой себя с западноевропейской цивилизацией. Сказывались как элементы сходства исторических судеб, так и заметные отличия в едином по своей сути культурном «коде». Россия и Западная Европа часто выступали конкурентами в тех сферах и в те времена, в которых и когда у них не было других достойных соперников. Можно без преувеличения сказать, что с середины XIX века «европейская» и «почвенническая» идеологии стали основными противоборствующими идейными течениями в российском обществе, в той или иной форме дожив до наших дней.

Россия и остальная часть Европы — а я убежден, что культурно, исторически и ментально Россия является частью Европы, — зачастую вовлекались в масштабные политические и военные конфликты, и лишь в последние несколько десятилетий нас не разделяют линии геополитических разломов. Напротив, Россия и страны Европейского союза тесно связаны экономическими, культурными и социальными нитями. Почти половина нашей внешней торговли приходится на страны ЕС; больше 60 % туристов прибывают в нашу страну из Европы, а сама она пользуется огромной популярностью у россиян; более 20 миллионов носителей русского языка и русской культуры живут сегодня в странах Европейского союза, и это число нарастает.

Европа сегодня нужна России, может быть, даже больше, чем Россия Европе, хотя выводить в этом вопросе какой-то четкий баланс вряд ли нужно. Мы ценим опыт, накопленный Европой в сфере выстраивания интеграционных конструкций, и, несомненно, будем использовать его в строительстве Евразийского союза. Мы ценим наднациональные государственные и судебные институты, созданные в пределах Европейского союза, те правила конкуренции и экономического поведения, которые выработал ЕС. Можно только приветствовать все новые и новые институты по защите прав человека, которые появляются в Европе. Для нас имеет критически важное значение сотрудничество с Европейским союзом в сфере инвестиций и технологий. Гарантией конкурентоспособности во всем мире выступает сегодня соблюдение европейских стандартов и правил, и Россия будет стремиться к гармонизации с ними своих технических норм. Я убежден, что сегодня Европа во многом указывает России на контуры ее «желаемого завтра».

Не менее важной сферой для сотрудничества между Россией и ЕС является проблема глобальной безопасности. Европейский союз в послевоенную эпоху стал одним из важнейших инструментов поддержания мира и стабильности в самом опасном регионе мира, откуда начинались две мировые войны. Сегодня Европа выступает одним из главных проводников политики миротворчества и гуманитарного вмешательства во всем мире, в то же время, выступая последовательным противником бесосновательного попраания государственного суверенитета. Мы видели это во время событий в Ираке в 2003 году. Россия и страны ЕС имеют большинство среди постоянных членов Совета Безопасности ООН, располагают значительными возможностями и в деле реформирования этой самой авторитетной международной организации, и в деле совершенствования международного права в целом.

Разумеется, наши отношения с европейцами не лишены противоречий, но я убежден, что сложившийся потенциал сотрудничества столь масштабен, что он не позволит обратить вспять динамику наших отношений. Россия и Европейский союз — это две части исторически единой европейской цивилизации, которая сегодня вынуждена, впервые в новой истории, активно конкурировать с другими цивилизациями за глобальное лидерство. В этой конкуренции никто из нас не будет успешным поодиночке — и это залог того, что в XXI веке единая Европа обязательно возродится. Надеюсь, что дух такого возрождения будет доминировать в сегодняшней дискуссии.

ЧИЖОВ

ВЛАДИМИР АЛЕКСЕЕВИЧ,

Постоянный представитель России при ЕС
и Евратоме, Чрезвычайный и Полномочный Посол
Российской Федерации

В современном мире понятие «безопасность» носит многогранный характер и включает в себя не только военные аспекты или систему политических союзов и договоров. Важнейшим компонентом безопасности является уровень экономического развития страны, продуманность ее внутренней и внешней экономической политики, характер и степень вовлеченности в международные экономические отношения. В целом этот тезис был верен всегда, но в эпоху глобализации его актуальность возросла на порядок. В этом контексте торгово-экономические взаимоотношения России и Евросоюза, двух крупнейших на мировой арене субъектов, к тому же расположенных на одном континенте и граничащих друг с другом, несут во многом определяющий для евроатлантической безопасности характер.

Географическая близость, общность истории, принадлежность к одной европейской цивилизации, приверженность одним и тем же нравственным и культурным ценностям делают неизбежным тесное и многогранное сотрудничество России и Евросоюза, взаимовыгодность которого очевидна.

Специфика наших отношений в том, что они не ограничены простым экспортом и импортом товаров и услуг, но ориентированы на выстраивание стратегического партнерства, на все более глубокую экономическую и политическую интеграцию. Задачи по формированию четырех общих пространств призваны решать так называемые «дорожные карты» — экономического пространства; свободы, безопасности и правосудия; внешней безопасности; научных исследований и образования, включая культурные аспекты, которые были утверждены в ходе саммита Россия — ЕС 10 мая 2005 года в Москве.

Считаю важным напомнить, что в рамках, например, «дорожной карты» по общему экономическому пространству стороны работают над созданием открытого и интегрированного рынка между Россией и ЕС, призванного обеспечить устойчивость и конкурентоспособность наших экономик и создать качественно новую атмосферу взаимоотношений. Достижение этой цели обеспечивается созданием условий для развития торговли и инвестиций, облегчения деятельности компаний, укрепления сотрудничества в отдельных отраслях экономики (энергетика, транспорт, телекоммуникации, космос, сельское хозяйство, охрана окружающей среды и т. д.). Большое значение придается гармонизации промышленной политики России и ЕС, политики в области конкуренции, таможенной политики, санитарного и фитосанитарного законодательства, защите прав интеллектуальной собственности.

Мы совместно определили принципы, на которых должно осуществляться построение общего экономического пространства: недискриминация, транспарентность, эффективное управление. Учитываются пожелания и мнения

деловых кругов, приоритеты, согласованные в рамках региональных организаций и инициатив, таких как Совет государств Балтийского моря, «Северное измерение» и др.

Конечно, можно по-разному оценивать результативность наших совместных усилий. Но, по сути, речь шла и идет о реальной попытке согласовывать экономические стратегии, выработать сопрягающиеся политики развития на перспективу. Приведу конкретный пример — доказавший свою эффективность формат Энергодialogа Россия — ЕС. В результате разразившегося в конце 90-х годов энергетического кризиса европейские правительства оказались лицом к лицу с массовыми протестами населения, блокадой нефтеперерабатывающих заводов, дорог, улиц. Именно тогда, в начале 2000 года, председатель Еврокомиссии Романо Проди обратился к Президенту России В.В. Путину с предложением о начале стратегического сотрудничества сторон в формате энергодialogа. Сегодня в рамках диалога рассматриваются разноплановые вопросы, связанные с торговлей энергоресурсами, инвестициями, энергетической инфраструктурой, энергоэффективностью. Проводится сопоставительный анализ энергетических стратегий, разрабатываются сценарии развития энергетического сектора России и ЕС на период до 2050 года, рассматривается ход реализации крупных энергетических проектов. Российская сторона предложила обсудить проекты соглашений о трансграничной энергетической инфраструктуре и о совместной работе энергосистем России и стран Прибалтики. Совместными усилиями создан и заработал механизм раннего предупреждения, который на практике подтвердил свою полезность не только для отношений Россия — ЕС, но и для всей ситуации на евроатлантическом пространстве. Подобных примеров можно немало привести и по другим направлениям отраслевого сотрудничества Россия — ЕС.

Имеет ли вышесказанное отношение к укреплению безопасности? Вопрос скорее риторический. В формате отраслевых диалогов Россия — ЕС на самом деле решаются две группы взаимосвязанных проблем. Во-первых, разрабатываются и реализуются меры по развитию многочисленных, многогранных и многоуровневых связей бизнесменов, политиков, ученых с целью повышения темпов экономического развития и России, и стран Евросоюза. Отрабатывается система, при которой экономические успехи одной стороны были бы выгодны и другой, а в решении экономических проблем одной стороны была бы заинтересована другая. Впрочем, здесь надо сразу же оговориться и подчеркнуть, что система пока именно отрабатывается, и еще нередки случаи, когда ее пытаются использовать как «улицу с односторонним движением» — для того, чтобы решить свои экономические проблемы за счет партнера. Как бы то ни было, система экономической взаимозависимости и взаимодополняемости могла бы внести реальный вклад в укрепление безопасности на нашем континенте. Во-вторых, в ходе диалогов выявляются проблемы во взаимоотношениях, предпринимается поиск способов их решения к взаимной выгоде обеих сторон, не доводя дело до конфронтации. Впрочем, и здесь мы в начале пути, и нередки случаи, когда наши партнеры отдают предпочтение односторонним мерам. Взять хотя бы решение ЕС включить гражданскую авиацию в систему торговли ЕС квотами на эмиссию парниковых газов; систему, которая, кстати, грубо попирает основополагающий принцип международного права, — принцип суверенитета, и которая не случайно привела к тому, что Евросоюзу противостоит в этом вопросе весь остальной мир. Для меня очевидно, что совместные действия по решению имеющихся проблем

укрепляют безопасность, а односторонние действия, к тому же игнорирующие права и интересы партнера, имеют прямо противоположный эффект.

Развитие наших взаимоотношений с Европейским союзом мы рассматриваем в тесной увязке с происходящими сейчас в мире процессами. Наиболее важный и влиятельный из них — все более углубляющаяся и расширяющаяся глобализация. Какие последствия она несет для ЕС? Прежде всего, снижение относительного веса экономики ЕС в мировых масштабах. Но это не означает потерю Евросоюзом его экономической мощи, которая, кстати, в абсолютных показателях продолжает укрепляться, пусть и гораздо более медленными темпами, особенно в условиях нынешнего финансово-экономического кризиса. Напомню, что, имея население, составляющее 8 % от населения планеты, Евросоюз производит 20 % мирового валового продукта, а по показателю доходов на душу населения жители стран ЕС в среднем зарабатывают в четыре раза больше, чем в Китае, и в 10 раз больше, чем в Индии. Конечно, глобальный расклад сил меняется за счет стремительного «набора веса» новыми игроками на международном экономическом поле. Особенность нынешней ситуации в том, что «новички» сегодня продвигаются вперед за счет тех преимуществ и инструментов, которыми состоявшиеся экономики пользоваться уже не могут, прежде всего, в силу сложившейся социальной модели развития.

Евросоюз ищет новые пути развития. Несколько дней назад Председатель Евросовета Жерман Ван Ромпей, выступая в Париже на конференции, посвященной вопросам конкурентоспособности, говорил, что если бы единственным вариантом спасения европейской экономики рассматривалось снижение стоимости рабочей силы, то ЕС мог бы «закрывать свою лавочку» (дословно: «Fermer la boutique»). Совершенно очевидно, что по ценовому фактору ЕС неспособен конкурировать с Китаем, как, впрочем, и с другими быстроразвивающимися экономиками. Новые движущие силы, реальные точки роста государства ЕС вынуждены искать в иной плоскости. «Играющие козыри» Евросоюза в сегодняшней ситуации состоят в «неценовой конкурентоспособности», способности производить «непревзойденное качество», причем в самых различных областях. Достичь этого можно через продвижение инноваций.

Для решения задач сохранения и укрепления конкурентоспособности ЕС принял стратегию «Европа-2020». В ней закреплены три приоритета: развитие экономики, основанной на знаниях и инновациях; достижение устойчивого роста в экономике; формирование социально ориентированной модели, обеспечивающей максимальную занятость и снижение уровня бедности.

Ни для кого не секрет, что и перед Россией стоят аналогичные задачи. Ресурсы экстенсивного развития страны практически исчерпаны. Тягаться с «новыми экономиками» по ценовым показателям производства продукции мы также не можем себе позволить. Добавлю к этому вступление России в ВТО, которое, наряду с очевидными выгодами, сопряжено и целым рядом рисков: для российских предприятий это необходимость действовать в условиях обостряющейся конкуренции, для правительства — налагаемые международными правилами ограничения на выбор мер торговой политики. Поэтому в области внутриэкономической политики руководство страны выдвинуло программу перевода экономики на инновационный путь развития.

Итак, общность стоящих перед Россией и Евросоюзом вызовов — обеспечить конкурентоспособное положение в новых условиях глобальной экономики через

модернизацию и инновации — побуждает нас вновь объединить усилия, но на качественно иной основе. Поэтому не случайно появление в 2010 году совместной инициативы «Партнерство для модернизации». Хотел бы сразу отметить, что у нас нет и не было иллюзий: в нашем представлении «Партнерство для модернизации» является важным дополнением к внутренней серьезной работе на этом направлении, но не может заменить собственных усилий в этой области ни России, ни Евросоюза. Ценность инициативы в том, что благодаря синергетическому эффекту она может значительно повысить результативность работы каждой из сторон на выбранном треке.

За минувший период достигнуты первые результаты — на них я сейчас останавливаться не буду. А вот то, что на этом пути будут и трудности, сказать необходимо: это вполне естественно, поскольку интересы и приоритеты не могут совпадать повсеместно — тем более что в некоторых областях Россия и Евросоюз объективно выступают в качестве конкурентов. Но уже сегодня очевидно, что успех модернизационно-инновационного партнерства Россия — ЕС может внести положительный вклад в укрепление евроатлантической безопасности в ее широком понимании.

Еще один важный момент. В отношении любых союзов и партнерских объединений почти всегда задается вопрос: против кого дружим? Сегодня много говорится о Китае, об укреплении его экономической мощи, растущих амбициях. Не является ли стратегическое партнерство Россия — ЕС попыткой противостоять натиску Китая?

Будем откровенны: победить Китай в экономической борьбе, даже объединив усилия с ЕС, нереально, и ставить такую цель не просто бесперспективно, но политически вредно. Наоборот, развивая сотрудничество с Евросоюзом, как, впрочем, и другими странами, мы должны избегать любой конфронтации с внешними партнерами, другими регионами. В конечном счете, глобализация выдвигает не только вызовы, но и создает возможности для ускоренного развития. Задача ответственных политиков — превратить глобализацию в инструмент доверия и надежды, а не в угрозу подрыва безопасности. В полицентричном мире эффективная международная архитектура может быть создана только в том случае, если она будет опираться на прочные региональные «строительные блоки». Китай, Индия, Бразилия, интеграционные процессы на евразийском пространстве, да и сам процесс евроинтеграции должны восприниматься именно как такие «строительные блоки». Конечно, у каждого есть свои «плюсы и минусы». Но, чтобы двигаться вперед сообща, надо искать точки соприкосновения.

Наконец, попробую дать свой вариант ответа на вопрос, вынесенный в название нашей конференции. Полагаю, что истина, как это часто бывает, лежит где-то посередине: евроатлантическое пространство безопасности — это уже, конечно, не миф, но сегодня еще и не реальность. А вот для того, чтобы оно стало реальностью завтрашнего дня, работать — причем совместно с партнерами, в том числе с Евросоюзом, — необходимо уже сегодня.

РАЙНЕР ХАРТМАНН, председатель правления Ассоциации европейского бизнеса в Российской Федерации (АЕБ), глава представительства Э.ОН Рургаз АГ

Мы, представители Ассоциации европейского бизнеса в Российской Федерации, после двухдневного визита делегации европейских инвесторов в Россию присутствовали на брифинге в Брюсселе. На долю европейских инвесторов приходится 80 % прямых зарубежных инвестиций в Россию. Многого изменилось в ЕС. Он перестал быть тем монстром, каким мы его всегда представляли. Активное взаимодействие с Россией в экономических, монетарных и миграционных вопросах является значимым положительным сдвигом.

Торговые взаимоотношения стимулируют положительные перемены. Торговля между ЕС и Россией улучшилась настолько, что европейцам, инвестирующим в эту страну, уже не нужны меморандумы о модернизации. Хорошо, что такие меморандумы существуют, ведь каждая новая инвестиция — это шаг на пути к модернизации, этап в модернизационном процессе. Моя компания (Э.ОН Рургаз АГ) сегодня является крупнейшим зарубежным энергопроизводителем России. Пять-семь лет назад никто не мог и предположить, что это станет возможным. Изменения доказывают, что мы идем по правильному пути.

Вступление в ВТО приблизит Россию к семье цивилизованных наций, поможет модернизировать экономику, которая, как мы знаем, в этом нуждается. Вступление в ВТО обусловит прагматичное поведение будущего российского правительства. Это положительное предзнаменование для интеграции и бесспорная приверженность взаимодействию между Европой и Россией. Перемещение товаров, услуг и людей получит новый стимул в связи со вступлением в ВТО. Нас, инвесторов, очень радуют новые перспективы, и я с оптимизмом ожидаю практических шагов от нового правительства и нового президента.

КОВАЛЬЧУК МИХАИЛ ВАЛЕНТИНОВИЧ,

директор Национального исследовательского центра «Курчатовский институт», ученый секретарь Совета при Президенте Российской Федерации по науке, технологиям и образованию

Европейского союза. Раньше мы были просто донорами высококвалифицированной рабочей силы. Теперь у нас есть несколько собственных мегапроектов. Крупные прорывные проекты переворачивают всю экономику. При этом наши специалисты продолжают активно участвовать в исследованиях на территории ЕС.

Около Ниццы, в Кадараше, создается Международный экспериментальный термоядерный реактор ИТЕР. В рамках этого проекта Россия создает восемнадцать уникальных систем. Важную роль играет Европейский центр ядерных исследований, ЦЕРН. Россия пока не является членом этой организации, но мы уже движемся в сторону ассоциированного членства. Существенная часть российских ученых, участвующих в проекте, поддерживается за счет российского финансирования. Следует упомянуть о создании рентгеновского лазера на свободных электронах, European XFEL, в Гамбурге — Россия является привилегированным партнером в рамках этого проекта. В Дармштадте при участии России создается Центр ионных и антипротонных исследований ФАИР.

Таким образом, мы играем ведущую роль в крупнейших знаковых международных проектах, вносим миллиарды долларов в проекты ЕС. Сейчас начинается создание мегаустановок на территории Российской Федерации. Первые четыре проекта выбраны. Высокопоточный нейтронный исследовательский реактор ПИК в Гатчине практически прошел физический пуск и будет вводиться в эксплуатацию. В этой работе участвуют наши немецкие партнеры. Токамак с сильным полем с высокой плотностью плазмы (IGNITOR) строится в рамках российско-итальянского сотрудничества. В Дубне создаются сверхпроводящие ускорители. Работаем над источником специализированного синхротронного излучения четвертого поколения (ИССИ-4) — в этом проекте участвует ряд европейских стран, а также Япония.

Любое сотрудничество — не дорога с односторонним движением. Мы много помогли ЕС, сегодня ждем ответных шагов от него. В частности, это касается строительства упомянутого синхротрона четвертого поколения. Местом реализации этого проекта, скорее всего, тоже станет Гатчина, где, в результате, будет сформирован уникальный исследовательский центр. Надеемся на участие стран Северной Европы и других партнеров.

Во второй половине 2012 — первой половине 2013 годов проходит Год России в Германии и Год Германии в России. Двустороннее российско-германское сотрудничество имеет и научное измерение. Мы создали российско-германский Институт Иоффе — Рентгена. Со стороны Германии работу института будет координировать Германский электрон-синхротронный центр (DESY), со стороны

России — Национальный исследовательский центр «Курчатовский институт». Для работы в Институте Иоффе — Рентгена уже начат набор российских ученых. Мы намерены организовывать интенсивные международные обмены и вести образовательную деятельность с участием наших зарубежных коллег.

ЯЗЕВ **ВАЛЕРИЙ АФОНАСЬЕВИЧ,** президент НП «Российское газовое общество»

На мой взгляд, не нужно противопоставлять ценности, с одной стороны, и взаимную заинтересованность и взаимозависимость, с другой. Наиболее устойчивыми можно считать отношения, построенные на единстве и базовых ценностях, а также взаимных интересах, но это удастся не всегда. Поэтому нужно обращать внимание на то общее, что есть: взаимозаинтересованность и взаимозависимость. В частности, это сырьевая и энергетическая сфера сотрудничества России и Европейского союза. Евросоюз импортирует из России все виды энергоресурсов: газ, нефть, уголь, услуги по обогащению урана — и примерно треть европейского импорта идет из России. С годами эта взаимозависимость будет только увеличиваться. Несмотря на то, что сегодня Россия диверсифицирует свои рынки по поставкам энергоресурсов, Европа была, есть и будет в разумной перспективе нашим основным рынком и основным партнером. Сегодня по торговому балансу между Россией и ЕС профицит в пользу России составляет около 100 млрд долларов. Для компенсации профицита необходимо увеличить импорт товаров из Европы в Россию, в том числе товаров промышленного производства.

Скрытым потенциалом сотрудничества можно также считать рынок услуг, который в настоящее время занимает незначительное место в структуре внешнеторговых отношений России и Евросоюза. Политическое сближение и интеграция экономического пространства России и Евросоюза позволят существенно увеличить объемы взаимной торговли услугами. Еще больший потенциал сотрудничества имеют прямые инвестиции. Сегодня Россия очень мало инвестирует в европейскую экономику (доля России составляет лишь 1 %, для сравнения доля США в 35 раз больше). Вступление России в ВТО, как ожидается, позволит увеличить товарооборот и в этом сегменте внешней торговли, что может привести к увеличению потока прямых инвестиций в проекты добычи и глубокой переработки сырья в России.

Однако нужно понимать, что в дальнейшем Россия либо продолжит играть роль сырьевой базы, сырьевого придатка высокотехнологических европейских экономик, что нас, очевидно, не устраивает, либо станет равноправным участником единого экономического пространства. Это будет во многом зависеть от

процессов экономического и политического сотрудничества между Россией и Евросоюзом, как на уровне государств, так и на уровне общественных институтов. Для развития и углубления сотрудничества, во-первых, нужны всеобъемлющие юридически обязывающие международные соглашения, и они есть и продолжают дорабатываться. Во-вторых, мы ожидаем, что базовое соглашение о партнерстве и сотрудничестве между Россией и Евросоюзом будет, наконец, обновлено. В-третьих, большим потенциалом обладает начатый совместный проект «Партнерство для модернизации». В его рамках нужно расширять перечень приоритетных направлений, включая в него, например, направления, связанные с добычей и переработкой минерального сырья, получения минералов и материалов с уникальными свойствами на основе редкоземельных металлов, чтобы избежать экономического диктата со стороны Китая. В-четвертых, важную роль может и должна сыграть конвергенция технологических платформ России и Евросоюза.

В отношении снабжения экономик минеральным сырьем и ресурсами можно выделить следующие технологические платформы: с российской стороны — технологическая платформа твердых полезных ископаемых и технологии добычи и использования водородов. С европейской — устойчивость минеральных ресурсов. Это, безусловно, не исчерпывает возможности сотрудничества ЕС и России в сырьевой сфере. Целесообразно сформировать технологические платформы совместных инновационно-сырьевых разработок и обеспечить их внесение в программу российско-европейского сотрудничества по тематикам данной платформы. В-пятых, безусловно, необходимо продолжить аналитический диалог России и Евросоюза, который продолжается уже более 10 лет. И, наконец, очень важно развивать и двустороннее сотрудничество России со странами, входящими в ЕС. В качестве позитивного примера можно привести российско-германское сотрудничество: участники российско-германского сырьевого форума разработали концепцию соглашений между Россией и Германией о сотрудничестве в инновационно-сырьевой сфере. Это может быть очень серьезным примером глубокого сотрудничества. В ближайшее время на ратификацию в Государственную Думу будут внесены соглашения о вступлении России во Всемирную торговую организацию, а участие России в ВТО в качестве полноправного члена даст мощный импульс формированию равноправного партнерства в интегрированном конкурентном рынке на территории Евросоюза, России и членов Таможенного союза.

ГРУШКО

АЛЕКСАНДР ВИКТОРОВИЧ,

заместитель министра иностранных дел
Российской Федерации

Отвечая на вопрос, вынесенный в название конференции, могу сказать, что сообщество безопасности уже сегодня становится реальным. К отношениям России и Европейского союза не применимы понятия «хорошие/плохие». Ежедневно в нашей совместной работе происходит много важных событий. Нет ни одного направления, где Россия не предлагала бы нашим партнерам из Евросоюза движения вперед. Отношения России и ЕС становятся ключевым фактором объединения Европы. Используется ли этот потенциал полностью? Наверное, пока нет. Однако, в конечном счете, долговременные интересы возьмут верх — Россия и ЕС будут интегрироваться в сообщество.

Перед ЕС в настоящее время стоят задачи преодоления экономического кризиса, укрепления его роли в мировой политической системе и сохранения притягательности для соседей и других партнеров. Задачи России хорошо сочетаются с этими установками ЕС. Сотрудничество будет усиливать позиции обеих сторон.

Существуют и факторы, которые мешают сближению России и ЕС. К таковым, в частности, относятся стереотипы, устаревший взгляд на Россию как на общество, которое не может преодолеть наследие СССР. Зачастую мешает проецирование на отношения с Россией стандартных схем, традиционно используемых во взаимодействии с такими партнерами, которые готовы оставаться на положении ведомого. Хотя у нас есть все предпосылки для сотрудничества по энергетике, ощущается нехватка единой нормативной базы, единства взглядов на энергетическую стратегию, например, до 2050 года. При этом следует отметить, что в работе уже находятся три-четыре документа, которые должны такую базу обеспечить.

Мы сотрудничаем на мировой арене. Фундаментально подходы России и ЕС совпадают. И мы, и наши партнеры считаем необходимым уважение международного права, учет мнений сторон в конфликтах, использование преимущественно невоенных методов урегулирования кризисов. Пока в вопросах внешней безопасности нам недостает механизма принятия решений. В этом отношении надеемся на реализацию Мезебергской инициативы — предложенное Президентом России Д.А. Медведевым и канцлером Германии А. Меркель создание Комитета Россия — ЕС по вопросам внешней политики и политики безопасности. Кроме того, России и ЕС необходимо соглашение о сотрудничестве в области кризисного урегулирования, по которому ведутся переговоры. Такое соглашение обязательно должно предполагать равноправие сторон. Неравноправные схемы оказались бы нежизнеспособными и даже сокращали бы пространство сотрудничества.

Очень важно продвижение к безвизовому режиму между Россией и ЕС краткосрочных поездок. Это не следует воспринимать как перспективу отдаленного

будущего. «Шенгенская стена» должна прекратить существование. Помимо прочего, это придаст импульс бизнесу. Не нужно бояться взаимозависимости. Ей необходимо придавать позитивный характер и даже усиливать ее. Россия, со своей стороны, взаимозависимости не боится. Мы готовы продолжать инвестировать в сотрудничество с Евросоюзом, поскольку оно отвечает нашим интересам. Важно не позволять прочерчивать разделительные линии в наших отношениях. Нет оправданий отказу от сближения России и ЕС в тех сферах, где это отвечает нашим общим интересам.

ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ БЕЗОПАСНОСТИ

Противоракетная оборона — фактор безопасности или противостояния

АРБАТОВ

АЛЕКСЕЙ ГЕОРГИЕВИЧ,

академик РАН, руководитель Центра международной безопасности ИМЭМО РАН

Я хотел бы привести две цитаты из одной предвыборной статьи Владимира Владимировича Путина, вновь избранного Президента Российской Федерации: «Американцы одержимы идеей обеспечить себе абсолютную неуязвимость. <...> По определению, абсолютная неуязвимость для одного означала бы абсолютную уязвимость для всех остальных». И далее: «Если бы тогда удалось добиться прорыва по ПРО, то в буквальном смысле открылись бы шлюзы для выстраивания качественно новой, близкой к союзнической модели сотрудничества и во многих других чувствительных областях». Это два разных, но тем не менее логически связанных утверждения. Почему мы не смогли вместе разработать противоракетную оборону, что в течение долгого времени являлось предметом обсуждения на различных уровнях, включая официальный? Ответ на этот вопрос является для нас ключом к достижению успеха в будущем. В годы холодной войны были споры, переговоры и неудачи в отношении ограничения оборонительного и наступательного оружия. Сейчас нам не удалось совместно разработать систему противоракетной обороны, и это иной уровень отношений. 25–30 лет назад сама идея постановки вопроса о

разработке совместной противоракетной обороны была бы расценена как безумная. Но мы вели переговоры по Договору о СНВ. Сегодня мы продолжаем нормальный процесс переговоров, и, несмотря на существующие недоверие или расхождения во мнениях, знаем, как двигаться дальше.

Я хочу задать вам несколько вопросов. Во-первых, о сотрудничестве по противоракетной обороне. Должно быть достигнуто согласие в отношении ракетных угроз. Было ли такое согласие установлено в отношениях между США и Россией, НАТО и Россией? Я знаю, что этот вопрос обсуждался. Были ли эти дискуссии успешными? Возможно ли такое согласие в будущем? Во-вторых, не только США пытаются создать противоракетную оборону. Россия тоже занимается этим. Вопрос: против кого предполагается нацелить российскую систему? Может ли Россия создать две противоракетные обороны — одну против США, а вторую совместно с США и НАТО? Можно ли сделать европейскую противоракетную оборону совместимой с российской системой, направленной против НАТО и США? В-третьих, мы говорим о противоракетной обороне в Европе. А кстати, как насчет Азии? Можно ли защитить российских граждан в Европе, оставив их без защиты в Азии? И можно ли подразделять совместную противоракетную оборону, концентрируя свои усилия только на Европе, не учитывая такую страну, как Китай? Говоря о секторной противоракетной обороне, мы предлагаем США: «Давайте мы будем защищать вас, а вы — нас». И означает ли это, что китайские ракеты, которые теоретически могут быть нацелены на Европу и США, пролетая через нашу территорию, будут перехвачены российской противоракетной обороной? И последний, очень важный вопрос: связь между противоракетной обороной и Договором о СНВ. Какой уровень наступательного стратегического оружия потребуется, когда будет развернута противоракетная оборона? В преамбуле к договору говорится, что «настоящая оборонительная система» не подрывает эффективность наступательного оружия. Что имеется в виду под «настоящей системой»? Та, которая существовала в момент подписания, ратификации или которая действовала в рамках Договора о СНВ до 2000 г.?

РОГОЗИН ДМИТРИЙ ОЛЕГОВИЧ, заместитель Председателя Правительства Российской Федерации, Чрезвычайный и Полномочный Посол Российской Федерации

Какая ПРО нас бы устроила? Лучше бы в Европе не было никакой противоракетной обороны, особенно в том виде, как она представлена сейчас. Это стало бы лучшей гарантией от нагнетания новых страстей в вопросе размещения военной инфраструктуры НАТО в странах Восточной Европы. Но если решение принято, то

мы абсолютно убеждены, что с точки зрения и идеологии проекта, и его технологии невозможно создать эффективную систему противоракетной обороны. Как система она не существует, на деле существуют лишь американские информационные и огневые компоненты на территории европейских стран-участниц НАТО, а российская система отделена от них. Слова о том, что можно создать единую европейскую противоракетную оборону из двух отдельных систем, которые будут сотрудничать — это, во-первых, блеф, а во-вторых, пропаганда. За этим ничего не стоит. Это просто две разные системы. Не может быть единой системы, если у нее информационные датчики, радары, сенсоры, космическая группировка, я уже не говорю про огневые системы, которые находятся только под национальным контролем. Именно поэтому российское предложение состояло в том, чтобы создать действительно глубоко интегрированную систему. Географическое положение и технологические возможности Российской Федерации дают нам уникальный шанс обеспечить эффективный перехват любой ракетной цели, если она будет направлена против Европы.

Кстати, хочу напомнить, что первое в истории успешное испытание противоракетной системы было осуществлено 51 год тому назад именно в моей стране.

Сами по себе системы, которые создавались еще в советский период, не говоря уже о новых системах, принятых на вооружение в России, дают нам гарантированную возможность со стопроцентной надежностью засекают сам факт пуска баллистической ракеты, которая может быть направлена против европейских стран. Создавать отдельную систему противоракетной обороны в Европе, проводить идентификацию старта баллистической ракеты, расчет траектории полета к баллистической цели и, тем более, наносить по этим целям какие-то удары без России неэффективно. К тому же — это, на самом деле, провоцирует другую сторону на ответные действия.

Дело в том, что наиболее эффективный перехват баллистической цели представляется на разгонном участке и также на активной траектории в заатмосферном пространстве, до тех пор, пока сама по себе тяжелая баллистическая цель не претерпевает изменения, не разделяется на боевые блоки, не разбрасывает так называемые отводные мишени. Это как на охоте на уток — удобнее всего поражать утку, когда она только вспорхнула, только набирает скорость и борется с гравитацией. Поэтому возникает вопрос: а что будут делать на третьей, четвертой фазе пофазового подхода к противоракетной обороне ее огневые и информационные элементы, скажем, в Польше или, тем более, в случае базирования флота США в северных европейских морях, в том же самом Норвежском море? Что там можно будет поражать с точки зрения декларируемых целей? Скажем, «плохих парней», которые находятся на Дальнем Востоке или на юге от Европы? Или же, на самом деле, речь идет о других целях поражения, которые находятся на территории Российской Федерации? У нас есть серьезное ощущение, что невозможность договориться с нашими американскими коллегами по тактико-техническим характеристикам противоракетной обороны — я имею в виду скорость, дальность, высоту полета противоракет и места их дислокации, количество ракет-перехватчиков — связана с другим. С тем, что вырабатывается технология «стрельбы из пушки по воробьям»: то есть создается оружие, которое не может быть эффективно использовано против небольшого количества ракет малой и средней дальности в случае, если они

будут запущены против европейского континента с южного направления. При этом создается система для стратегического перехвата тяжелых межконтинентальных ракет, которые могли бы стартовать именно с территории Российской Федерации. И это, конечно, говорит о прямом антироссийском векторе планов противоракетной обороны.

В чем отличие российской системы воздушно-космической обороны от противоракетной обороны США? Наша система находится на нашей территории и обеспечивает безопасность исключительно в случае нападения на территорию Российской Федерации. Противоракетная оборона НАТО в Европе — это американская система в Европе, находящаяся за пределами американской территории и максимально приближенная именно к территории Российской Федерации. Мы с должным уважением относимся к тому, каким образом Соединенные Штаты или их союзники хотят обеспечить свою противоракетную безопасность. И тогда речь должна идти о географической и политической компетенции, ограниченной рамками НАТО. А если мы видим, что радиус противоракетных систем не только выходит далеко за пределы территории НАТО в Европе, но и практически затрагивает российскую территорию вплоть до Уральских гор, контролируя основные базы российских стратегических ядерных сил, то какая же это оборонительная система? Это наступательная система. Все понимают, что ничто и никогда не создается без ответов на вопросы «почему?» и «зачем?». Именно такие вопросы надо задавать применительно к этой системе. Такая противоракетная оборона не может считаться в полном смысле оборонительной, и рассматривать ее приходится в контексте стратегии «Молниеносного глобального удара», принятой в Соединенных Штатах. Смысл этой стратегии состоит именно в нанесении по потенциальному противнику обезоруживающего парализующего удара. В таком случае страна, подвергшаяся нападению, использует противоракетную оборону для своей защиты. Я сейчас говорю о плохом сценарии. Но военные всегда думают о плохом сценарии, а дипломаты рассчитывают на положительный сценарий. Поэтому Президент Российской Федерации в этой аудитории еще раз обратил ваше внимание на то, что нам нужны не заверения за чашкой чая о ненаправленности системы и слова «эта система не против вас, она для вас», а четкие юридические гарантии, которые будут связаны с тактико-техническими характеристиками создаваемого оружия. Эти характеристики должны быть пропорциональны заявленным целям, то есть перехвату небольшого числа ракет малой и средней дальности, которые потенциально могут быть направлены против европейского континента с южного направления. Именно юридическими фразами надо «заковать» скорость, места дислокации, высоту, количество ракет-перехватчиков. В этом зале присутствует много российских переговорщиков по линии министерства обороны и министерства иностранных дел. Они подтвердят, что даже на вопрос: «Скажите хотя бы, сколько нужно противоракет в рамках вашей европейской системы?» — не получено никакого ответа. На вопрос: «А будет ли после третьей, четвертой фазы пятая, шестая, седьмая...? Мы же умеем считать до десяти» — нам только улыбаются в ответ. Конечно, мы понимаем, что после четвертой фазы будут и пятая, шестая, седьмая. Научно-технический прогресс будет развиваться, скорости будут гиперзвуковые, они будут выходить далеко за рамки обозначенных сегодня характеристик ракет SM3 Block II и многих других. Какие есть у нас гарантии, кроме военно-технических, чтобы обеспечить собственную

безопасность? В течение всего периода после Второй мировой войны и до сих пор стратегический баланс сохранял безопасность в глобальном масштабе. Пока никто ничего лучше не придумал. Мы дорожим тем, что у нас сегодня есть возможность сокращать наши обычные вооружения, но при этом мы будем дорожить своим стратегическим ядерным потенциалом как последней гарантией российского суверенитета и нашей независимости. И любые попытки обнулить наш суверенитет через создание проблем для нашего стратегического ядерного потенциала будут вызывать у нас упорное желание создавать, соответственно, средства подавления и преодоления любой противоракетной обороны. Поэтому мы действительно рассчитываем на то, что серьезные люди в Вашингтоне, Брюсселе наконец-то поймут, что такого рода вызовы развитию ракетного оружия как одного, подчеркну, одного из видов транспортировки оружия массового уничтожения, такого рода потенциальные риски необходимо нивелировать, локализовать и нейтрализовать совместными усилиями. Наилучшим способом было бы создание действительно общей системы противоракетной обороны, которая бы включала в себя идентификацию, трекинг и уничтожение баллистических целей.

Нельзя забывать о том, что любая противоракетная оборона работает исключительно на основе алгоритмов. Нет неких генералов, которые будут нажимать совместно на некую красную кнопку. Противоракетная оборона работает в автоматическом режиме, поэтому договориться надо на этапе создания системы, потом ее уже не поменять. Надо заложить такие алгоритмы, которые позволят действовать совместно.

В 2010 году в рамках Совета Россия — НАТО проводилась совместная работа по оценке ракетных рисков. Готовился обзор общих угроз, и одной из пяти тем, вынесенных для отдельного анализа, была оценка ракетных вызовов. И по этой единственной теме мы не смогли до конца договориться. Мы видели, что наши американские коллеги всячески форсируют, несколько преувеличивают наличие реальных ракетных угроз со стороны отдельных стран. То есть шла некая мистификация угрозы со стороны некоего противника, который такого рода ракетным оружием не обладал, с тем, чтобы стимулировать разрабатываемые и применяемые в вооружении технологии. И никто не мог ответить на вопрос: «А зачем «противнику» нужно это оружие обращать против европейских стран?» Тем не менее мы считаем, что диалог, безусловно, должен быть продолжен. По мнению нашего военного руководства, представителей российского оборонно-промышленного комплекса, лучшей гарантией нашей безопасности может стать договоренность о разработке средств, которые позволят нам гарантированно обеспечивать свою стратегическую безопасность. И единственное, о чем мы можем сожалеть — что этого можно было бы и не делать, а десятки и сотни миллиардов рублей потратить на гораздо более милые и приятные сердцу гражданские цели.

Считаю, что планы США по развитию противоракетной обороны являются демонстрацией геополитического эгоизма Вашингтона. Данный проект напоминает скорее догму, чем живую теорию. Догму, потому что она не подвергается никаким сомнениям и осуществляется теми темпами, которые позволяет научно-технический прогресс. Российская Федерация оказывается вне рамок этого проекта. Мы констатируем это с большим сожалением и считаем, что если проект ПРО будет развиваться именно таким образом, то мы теряем время и уникальный шанс создать

общую систему безопасности в Европе. Это противоречит намерениям России восстановить себя как неотъемлемую часть единой европейской политической культуры. Поэтому мы надеемся, что в ближайшее время в этом плане произойдут существенные изменения. Если они не произойдут, мы будем вынуждены реализовать все то, о чем было сказано в заявлении Президента Российской Федерации от 23 ноября 2011 года.

ПОЛЕМИКА

Ф. Хейсбург: Господин Рогозин, Вы упомянули, что где бы то ни было в Европе не должно быть противоракетной обороны. Предполагаете ли Вы в таком случае, что может произойти демонтаж системы ПРО вокруг Москвы?

Д.О. Рогозин: Да, я действительно считаю, что противоракетная оборона и ее развитие не являются лучшим способом обеспечения безопасности страны. В свое время умные люди ограничили противоракетные возможности США и Советского Союза договором 1972 года. Почему это было сделано? По той простой причине, что умные люди понимали, что гонка оборонительных вооружений ничем не лучше гонки наступательных вооружений. Исторически, еще с рыцарских времен, попытка укрепить щит всегда вызывала у всех остальных желание укрепить свой меч, и наоборот. Поэтому в условиях, когда нет реальных ракетных рисков, направленных против Европы, создавать огромную военную инфраструктуру и делать это исключительно сепаратистским путем — это и есть толкать вперед гонку оборонительных вооружений, которая немедленно приведет к гонке вооружений наступательных. Лучший способ обеспечения безопасности — это собственная стратегическая мощь. Возьмите, например, Французскую ядерную доктрину. Она обеспечивает безопасность страны именно за счет обладания силами ядерного сдерживания и предполагает возможность их применения как на территории французского государства, так и за его пределами только в случае прямого нападения или, скажем, когда у политической элиты Франции возникнет ощущение реальной угрозы суверенитету Франции.

Доктрина де Голля сохраняет свой смысл: обеспечение безопасности страны от любого нападения, в том числе ракетного, за счет обладания собственным стратегическим ядерным потенциалом. Никто никогда еще вам не сказал и не скажет, насколько может быть эффективна противоракетная оборона, создает ли она действительно гарантию вашей безопасности или она — лишь только иллюзия вашей безопасности. Никто никогда не может испытать в реальности противоракетную оборону, это можно сделать лишь только при реальном массированном ракетном нападении, то есть, мы надеемся, никогда. А значит, полагаться на эту систему бессмысленно, зато полагаться на стратегические ядерные силы, я считаю, можно и нужно.

Противоракетная оборона города Москвы, созданная на основе договора 1972 года, — это противоракетная оборона, которая находится в пределах нашей собственной территории, и она никак не может угрожать каким бы то ни было стратегическим наступательным вооружениям на территории других государств. Американскую противоракетную оборону, оснащенную еще более совершенными ракетами, особенно на третьей и на четвертой фазах, предполагается разместить в 2018–2020 годах на территории Польши. Рассматривается также возможность, как

говорится в американских документах, «временной» дислокации в северных морях флота с системами «Иджис», с ракетным оружием на борту. Вот это как раз появление противоракетного оружия, радиус действия которого охватывает территорию Российской Федерации, то есть другого государства. В этом коренное отличие этих двух систем: одна — домашняя, а другая напоминает танк, который кто-то хочет разместить у чужого подъезда. А когда сосед спрашивает, для чего этот танк, говорят: «Это не против тебя, это на всякий случай. Знаешь там, всякие террористы, бандиты ходят... Пусть танк просто постоит у тебя». Противоракетная оборона есть и у Соединенных Штатов на собственной территории. Мы об этом знаем, естественно, здесь нет никакого секрета. Сейчас речь идет о европейском сегменте глобальной противоракетной обороны, которая далеко вынесена за пределы собственной территории США и радиус действия которой распространяется далеко за радиус и зону собственной ответственности.

Никто не дает нам никаких ограничений по действию систем противоракетной обороны, тем более они все время совершенствуются. Ракеты SM-3 имеют радиус действия тысячи километров, а не 200–300 километров. Скорости их нам никто не называет, зато предлагают так называемую «транспарентную» информацию, проверить которую практически невозможно. Проверить реальные возможности этих противоракет можно только в том случае, если наша телеметрическая аппаратура будет стоять на них. Вот это даст нам гарантии. Любая иная информация, которая снимается американскими датчиками и нам передается, не может у нас вызывать ощущения абсолютной достоверности. Мы исходим из того, что даже по тем официальным данным, которые мы получаем от наших американских коллег, ракеты летают на тысячи километров. Это, конечно, вызывает у нас большую обеспокоенность.

А.Г. Арбатов: Обязана ли будет Россия перехватывать летящие над ее территорией ракеты Китая, которые могли бы быть направлены на Европу или на США?

Д.О. Рогозин: Это вопрос алгоритмов, а они закладываются на основе политических целей и задач: кто определяется в качестве потенциального союзника, а кто в качестве потенциального противника. Безусловно, именно алгоритм, на котором закладывается противоракетная система, определяет оптимальный перехват. Если оптимально использовать российские противоракетные системы для уничтожения баллистической цели, которая была бы направлена против европейской страны НАТО, то, соответственно, машина дала бы такую команду. И наоборот, мы могли бы представить себе ситуацию, при которой натовская противоракета могла бы сбивать цель, направленную против Российской Федерации. Вы сами прекрасно понимаете, чтобы создать такого рода систему и заложить подобного рода алгоритмы, должен быть совершенно иной дух доверия и взаимной кооперации. Мы именно поэтому предлагали создать общий, единый проект противоракетной обороны, поскольку он дал бы нам совершенно новое качество взаимного доверия. Это практически остановило бы ведение оборонного планирования НАТО против России и России против кого бы там ни было, в частности, против НАТО. Но этого не произошло. Данный технологический проект так и не стал политическим проектом глубокой кооперации между Россией и НАТО. Откуда и какие полетят ракеты — это другой вопрос. Главное — определить, что мы будем обеспечивать собственную

безопасность, поддерживать друг друга в плане идентификации фактов старта баллистической ракеты, расчета ее траектории и оптимального поражения цели. На сегодняшний момент — это уже как бы виртуальная реальность, поэтому говорить особенно не о чем.

Всегда есть вопросы к автору идеи. Соединенные Штаты Америки в проекте противоракетной обороны являются архитектором. Всякий архитектор будет возводить здание, рисовать чертежи так, чтобы фундамент этого здания не заползал на другие дома. Поэтому суть дела не столько в ограничении, сколько в самоограничении. Именно это мы много раз говорили нашим американским коллегам, обращая их внимание на то, что сама архитектура противоракетной обороны США в Европе провоцирует большие проблемы. Разумеется, если бы она была действительно адекватна угрозе, то и вопросов было бы заметно меньше.

Нельзя становиться жертвой собственных appetitov. Если бы противоракетная оборона была бы ограничена разумными «аппетитами», то не вызывала бы у нас каких бы то ни было нареканий. Но, к сожалению, сегодня мы видим, что архитекторы этого проекта демонстрируют безудержный аппетит.

РЯБКОВ СЕРГЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ, заместитель министра иностранных дел Российской Федерации

Выделю несколько моментов. Мы никак не могли до конца договориться с США и НАТО в оценке ракетных угроз. Осознав это, мы предложили перешагнуть через это разногласие, создав секторальную ПРО, то есть единый периметр безопасности, предложив тем самым то квази-союзничество, а может быть, и полное союзничество, о котором В.В. Путин написал в статье, процитированной Алексеем Георгиевичем Арбатовым. Когда стало понятно, что Североатлантический альянс не пойдет на аутсорсинг своей безопасности, поскольку эта организация действует согласно Вашингтонскому договору, с российской стороны была предложена другая схема. Мы посчитали, что вариант создания двух отдельных, но взаимосвязанных кооперативных систем противоракетной обороны не является удачным, поскольку оставляет за скобками важные аспекты создания американской и натовской ПРО, что создаст в перспективе реальные проблемы для нас. Исходя из этого, мы предложили упрощенный вариант движения вперед, при котором НАТО и США занимались бы созданием своей системы, но при этом предоставили бы нам юридически обязывающие документальные гарантии того, что эта система не может быть направлена против российских стратегических ядерных сил. То есть она будет выполнять ровно ту функцию, которая была заявлена: функцию противодействия ракетным угрозам не с

российского направления. К сожалению, это не получается, видимо, по той причине, что нынешняя администрация США считает для себя невозможным делать шаг в том направлении, которое было, по сути дела, перекрыто ратификационной резолюцией Сената США по Договору о СНВ. Эта резолюция указывает администрации на недопустимость каких бы то ни было ограничений на возможности страны в области противоракетной обороны.

Я хотел бы сказать о сложностях момента, который мы сейчас переживаем. Термин «критерии» или «параметры» не случайно выбран нами для обозначения комплекса вопросов, которые нужно решить, прежде чем мы скажем, что вот такие гипотетические американские гарантии ненаправленности могут нас устроить.

Хочу подчеркнуть, мы не ведем речь о внедрении каких-то формальных ограничений на возможности США в этой сфере, потому что понимаем: разговор о подобных ограничениях натолкнется на крайне резкое противодействие в Сенате и в Конгрессе США и, по сути дела, не даст возможности договориться. Но договориться о критериях по количеству, по скоростям, по районам развертывания, по возможности делать самостоятельные выводы о том, что реально происходит в этой сфере, на наш взгляд, — вполне приемлемый вариант, который мог бы объединить и привести к общему знаменателю подход Российской Федерации и США. Вы, вероятно, спросите: «А откуда у наивных российских дипломатов уверенность в том, что США никогда не выйдут из юридически обязывающих договоренностей? Ведь даже в совсем других исторических условиях, когда гораздо более уважительно все в мире относились к международному праву, уже тогда в Вашингтоне пошел разговор о выходе из договора, являвшегося краеугольным камнем международной безопасности». Я вам отвечу: «Конечно, мы не наивны и знаем, что США могут выйти из этого договора. Но возникает вопрос: лучше остаться совсем без гарантий или иметь такие гарантии, которые будут сопровождаться соответствующими объективными критериями?» Ответ, на мой взгляд, очевиден.

Хотел бы вернуться к тому, с чего начал Алексей Георгиевич Арбатов, а именно к вопросу о стремлении США к абсолютной неуязвимости. Это, позволю себе сказать, полемическая постановка вопроса. Она затрагивает нерв той дискуссии, которая идет и которая касается того, зачем вообще США нужна ПРО. Я не поверю американским коллегам — говорю им об этом открыто — когда они убеждают меня, что ПРО нужна для защиты от угроз из Ирана или из Северной Кореи, потому что та система, которая создается, она глобальная, она будет развиваться пофазно, будет сохранять моменты стратегической неопределенности для нас с точки зрения географии районов развертывания, количества перехватчиков, будут дополняться сенсоры, запускаться спутники... Но уже того, что сейчас есть на Аляске и в Калифорнии, с лихвой хватит для гарантированного перехвата любой потенциальной баллистической цели, которая может следовать в направлении США с территории Северной Кореи. Я не верю в то, что Иран, в условиях настолько жесточайших санкций и настолько серьезного внимания, уделяемого этой стране всеми разведками мира, может втайне от всех создать какое-то ракетно-ядерное оружие и тем более сможет применить его. При этом нас уверяют, что никакого иного способа защититься от такого оружия, кроме использования системы ПРО, не будет. Отсюда естественный логический выход на то, зачем это все нужно.

Я подтверждаю, что на продвинутых стадиях европейского фазированного

адаптивного подхода мы воспринимаем американские планы как представляющие собой реальную угрозу стратегическим ядерным силам России. Но идеология создания системы ПРО, которая применяется Соединенными Штатами, достаточно любопытна. Можно констатировать стремление США найти гарантированное технологическое решение того, что по своей сути является политической проблемой. Через веру во всемогущество техники решить то, что должно решаться политикой. Вот в этом серьезная проблема и серьезный источник недопонимания между Москвой и Вашингтоном. Мы считаем, что по всей логике, по всей истории развития международных отношений проще какие-то проблемы решать переговорным путем и политическими средствами, а не стараться укрыться от того, что воспринимается в качестве угрозы, за неким зонтиком, пусть основанном на самых последних хайтековских достижениях.

Вопрос еще и в том, насколько то, что происходит сейчас и декларируется нынешней администрацией в качестве плана, рассчитанного до начала следующего десятилетия, таким и останется. У нас довольно много примеров того, как американские планы в этой и других сферах менялись. Мы должны быть готовы к худшему сценарию, в этом плане я поддерживаю логику, которой придерживаются наши военные. Мы будем пытаться договариваться и дальше, мы будем реализовывать те установки и те инструкции, которые нам дал Президент. Получится это или нет, зависит, по большому счету, от того, сможем ли мы, в конце концов, найти некую обоюдно приемлемую платформу, учитывая серьезность разногласий, которые нас сейчас разделяют и, скажу прямо, плохую совместимость концептуальных подходов к проблемам обеспечения безопасности в стратегической сфере.

ФРАНСУА ХЕЙСБУРГ, советник президента Международного института стратегических исследований (Франция)

Если приводить в качестве доказательства право России использовать ПРО на основании уже не существующего договора, в то время как европейцы не имеют права на размещение системы баллистических ракет, то мы придем к политическому тупику.

Мы говорим о двух маниях — американской и российской. Систему противоракетной обороны можно легко подать и как наиболее дестабилизирующий фактор, и как инструмент сдерживания. Французам эта ситуация нравится не больше, чем русским.

Задача для России, США, Китая, Франции и Британии состоит в том, чтобы не допустить получение ядерных вооружений Ираном. По возможности, за счет дипломатических мер, или, в противном случае, — за счет санкций и силовых

методов. Создание системы ПРО как подтверждение собственной неуверенности в возможности предотвратить развитие ядерной программы в этой стране является как минимум эксцентричным. Это крайне необычный способ и с политической, и со стратегической точек зрения.

Не думаю, что мы стали бы разговаривать о развертывании системы ПРО в Европе, если бы Обама не был заложником политических сложностей в Конгрессе. Он был вынужден найти хоть какую-то замену системе ПРО, предложенной Дж.У. Бушем. Я абсолютно убежден, что в противном случае мы бы сейчас не обсуждали этот вопрос.

Играют свою роль и доводы военной промышленности. Многие конгрессмены положительно относятся к тому, что элементы комплекса ПРО будут изготавливаться на предприятиях, расположенных в их избирательных округах. Это определяет их позиции и позволяет по данному вопросу достичь редкого согласия между двумя партиями в Конгрессе США.

Складывается странная ситуация: НАТО ставит ПРО во главу угла, хотя есть столько других вопросов, которыми надо было бы заняться. Но мы не позволяем американской программе стать преобладающей темой в общих взаимоотношениях с Соединенными Штатами. И в этом — основное отличие от России. Вы позволяете вопросу противоракетной обороны перечеркнуть все остальные сферы взаимодействия с США. Спросите себя — стоит ли платить такую цену? Я не могу ответить на этот вопрос вместо вас.

Россия ведет себя так, как будто на карту поставлена надежность собственной системы ядерного сдерживания. Я француз, и наши ядерные силы очень невелики. Я смотрю на систему ПРО Москвы, вижу, как американцы работают с технологиями, которые становятся все более сложными и направлены на предотвращение попадания боеголовок в цель, наблюдаю, как Китай разрабатывает концепцию внеатмосферного перехвата, вступая в игру «ПРО». Однако меня это не очень беспокоит, я почему-то не думаю, что существует экзистенциальная угроза надежности моей ядерной программы, и не только потому, что моим союзником являются США. Почему я не беспокоюсь? Защищающийся никогда не может полностью полагаться на свою систему обороны, а атакующий всегда знает, как сработает его система наступления. Так почему же Россия поступает по-другому? Есть две возможных причины. Одна — серьезные сомнения в действенности ядерного сдерживания. На месте российских экспертов я бы задался вопросом, насколько эффективно используются средства налогоплательщиков на многочисленные системы доставки, платформы и боеголовки, находящиеся сегодня в распоряжении страны. Хотя может существовать и другой ответ. И он аналогичен той причине, о которой я упоминал, говоря об американской мании. Это — военно-промышленный комплекс. Я позволю предположить, что это связано с мотивацией тех, кто хочет получить больше денег для создания ядерного оружия и ракет, просто потому, что они есть у другой страны. Иногда эти люди действительно заслуженно получают такие средства, но вот вопрос — хотите ли вы видеть производителей ракет у руля внешней политики и безопасности страны?

Что мы можем сделать в ситуации, когда американская программа набирает силу? Не надейтесь, что французы смогут остановить ее. Если вы действительно хотите положить этому конец — полагайтесь только на себя. Позволю себе сделать следующие три предложения.

Первое — считаю, что для достижения поставленных целей лучше не делать этот вопрос краеугольным камнем во взаимоотношениях с США. Вы можете создать такую ситуацию, когда американцы будут уже не столь заинтересованы в этой системе. Если система ПРО, которую Америке так хочется развернуть, действительно настолько сильна, что представляет угрозу российским ядерным силам, то это, должно быть, очень хорошая система! Для конгрессмена от Юты или Айдахо российское сопротивление выглядит впечатляюще! И это еще один стимул для создания такой системы.

Второе — клятвенные заявления США о том, что эта система не направлена на Россию, также можно использовать для своих целей. Третье — совместный обмен данными, о котором упоминалось в документе EASI. Многого можно сделать в этом направлении. Сегодня сбором данных занимаются три страны, имеющие возможности по обнаружению и отслеживанию приближающихся ракет, то есть США, Россия и Франция. НАТО — не игрок на этом поле, а только получатель американских данных. Этим трем странам необходимо обсудить между собой вопрос о совместной обработке взаимно предоставляемых первичных данных в реальном времени. Истинно первичные данные не могут быть представлены, и именно это является основной причиной недоговоренностей между Россией и Америкой, поскольку необработанные данные показывают вашему партнеру, что именно вы знаете о способности ракет другой стороны проникнуть через вашу оборону. Эта информация является одной из самых закрытых. Но ее можно обработать и договориться о правилах обработки. Можно создать систему слежения, например, за проведением испытаний иранских ракет и затем обменяться данными. И все это — для общего блага. Реально ли это с точки зрения сохранения секретности? Я думаю, что да. Приведет ли это к значительной стабилизации? Тоже да, поскольку мы одинаково понимаем, что такое угрозы, и одинаково их оцениваем.

ЕСИН

ВИКТОР ИВАНОВИЧ,

начальник Главного штаба РВСН (1994–1996 гг.),

ведущий научный сотрудник Центра

военно-стратегических исследований Института

США и Канады РАН, генерал-полковник

Новый Договор по ПРО, подобный подписанному в 1972 году, никогда больше не будет заключен. Сегодня в своих замечаниях я хочу сосредоточиться на результатах работы, проделанной рабочей группой по противоракетной обороне, которая была учреждена в 2010 году в рамках международного проекта «Евроатлантическая инициатива в области безопасности». Я участвовал в работе этой группы. Рабочая группа сделала попытку найти взаимоприемлемое решение проблемы противоракетной обороны на основе прагматического подхода и достижимых

результатов сотрудничества между США, Россией и НАТО, не питая чрезмерно высоких надежд.

Мы руководствовались пониманием того, что существующий дефицит доверия в отношении намерений друг друга и, что особенно важно, его влияние на ядерное сдерживание не позволяет создать полноценную общую противоракетную оборону, даже если имеется политическое признание того факта, что Россия, США и НАТО — более не враги, а скорее партнеры.

Констатирую факт: участие в совместном практическом проекте может повысить уровень доверия, позволяет принять во внимание интересы друг друга, ликвидировать некоторые опасения и избежать конфронтации.

Предложения, выработанные рабочей группой, не удовлетворили ее участников в полной мере. Нам пришлось пойти на компромисс, который сводится к следующим четырем положениям.

Во-первых, тупик в связи с противоракетной обороной не может быть ликвидирован немедленно на 100 процентов. Проблему следует решать постепенно, поэтапно, начиная с того, что может явиться хорошей основой для практического взаимодействия и сотрудничества.

Во-вторых, первым шагом к сотрудничеству в области противоракетной обороны должно быть создание центра для сотрудничества и возобновления совместных учений штабов и командных структур. По вопросам противовоздушной обороны под эгидой Совета Россия — НАТО мы сотрудничаем в области воздушной разведки, предоставляя данные двум координационным центрам в Варшаве и в Москве. Три команды по сбору данных находятся на территории России, и такое же количество — в странах НАТО. Рабочая группа по противоракетной обороне предложила использовать подобный подход в отношении совместной системы наблюдения для мониторинга противоракетной обороны на основе двух центров сотрудничества: один в Варшаве или Брюсселе, а второй — в Москве. Мы полагаем, что такие центры будет обслуживать персонал НАТО, США и России, специалисты будут работать вместе, формируя совместную картину угроз противоракетной обороне и разрабатывая контрмеры против таких угроз на основе объективной информации, предоставляемой системами раннего предупреждения и другими источниками. В основном, это ни что иное, как возрождение американско-российского проекта 2000 года о создании объединенного центра обмена информацией, получаемой от систем раннего предупреждения и извещения о запусках ракет. Но на этот раз мы предлагаем более широкие функции. Мы не исключаем возможность работы в этих центрах представителей других государств, Китая, например. Это бы уменьшило напряженность.

В-третьих, размер достаточных систем противоракетной обороны не должен вызывать дестабилизацию. Существующий баланс основан на Договоре о СНВ 2010 года. Архитектура европейской противоракетной обороны была бы основана на оценке будущей угрозы. Самую серьезную потенциальную угрозу представляют баллистические ракеты с радиусом до 4500 км.

Посмотрите на существующие планы США и НАТО относительно европейского подхода к противоракетной обороне и планы России создать воздушную и космическую оборону. К 2020 году США и НАТО ограничат развертывание наземных баз, оснащенных ракетами SM3, с 24-х перехватчиков на каждой до 2-х и оставят 12–15 судов в Средиземном и Северном морях с перехватчиками SM3. К этому времени Россия в дополнение к существующей системе противоракетной обороны,

прикрывающей промышленный район вокруг Москвы, развернет в европейской части страны ракетный комплекс С-300, также как и десятки комплексов противоракетной обороны С-400 и С-500 и аналогичные системы противоракетной обороны в Черном, Балтийском, Белом и Баренцевом морях. Каждая сторона будет независимо защищать свои территории, но мы будем взаимодействовать через центры сотрудничества. Стороны могли бы согласиться на отдельные оперативные протоколы, в соответствии с которыми для обеих сторон было бы обязательно перехватывать ракеты, нацеленные на другую сторону. Такой компонент был предусмотрен российской инициативой о секторной противоракетной обороне.

В настоящем предложении по противоракетной обороне большое значение имеет то, что Россия в него не входит. Американские и натовские корабли будут находиться у российских берегов, что вызывает раздражение у российской стороны. Существует возможность девальвации потенциала российских стратегических сил: ракетная площадка в Польше и корабли в Северном море вполне могут дать такой эффект. Эксперты говорят, что теоретически, я подчеркиваю это, перехватчик модификации SM3, который пока еще существует только на бумаге, способен перехватить примерно от двух до трех (максимум четырех) десятков боеголовки от российских межконтинентальных баллистических ракет, не учитывая мощный комплекс преодоления противоракетной обороны, на что способны российские баллистические ракеты. Все равно, это неприятно для российской стороны, и нашу озабоченность нельзя отрицать. Более того, не ясно, как поведут себя США в области противоракетной обороны после 2020 года. Рабочая группа пыталась решить эту проблему, предложив сторонам взять на себя обязательство регулировать темпы развертывания системы противоракетной обороны в Европе по мере появления реальных, а не виртуальных угроз, исходящих из таких стран, как Иран. Это означает, что, если Иран не создаст баллистические ракеты, страны также не будут усиливать свои системы противоракетной обороны.

И последнее. Для того чтобы выполнить предложения рабочей группы, необходимо создать соответствующие институты сотрудничества между Россией, США и НАТО в отношении противоракетной обороны, заключив исполнительное соглашение. В нем были бы определены принципы сотрудничества и взаимодействия в области противоракетной обороны, которые должны соответствовать фундаментальному акту 1997 года между НАТО и Российской Федерацией.

РИЧАРД БЕРТ, председатель движения «За безъядерный мир» (Global Zero), бывший руководитель делегации США на переговорах о СНВ

Холодная война закончилась 20 лет назад, и мир меняется. Две страны в мире сегодня испытывают самые большие трудности, приспосабливаясь к происходящим фундаментальным изменениям в международной системе, — это Соединенные Штаты и Российская Федерация, и вопрос о противоракетной обороне усугубляет эти процессы. Это не только конец биполярной международной системы и идеологического соперничества, но и другие происходящие изменения, которые мы должны учитывать. Среди общественности и политиков все больше и больше укрепляется мнение о необходимости перестать делать упор на ядерное оружие в вопросах внешней политики и обороны. И я думаю, что большинство стран в мире, хотя и не все, понимают, что мы должны работать для создания мира без ядерного оружия. Это будет нелегко, но ядерное оружие не имеет или не должно иметь того значения, которое оно когда-то имело. И это необходимо учитывать в нашей оборонной позиции и политике.

Еще один аспект — это новая и исключительно важная роль геоэкономики. Если XX век был временем, когда военная техника была основной единицей, определявшей национальную мощь, то теперь, по моему мнению, национальная мощь будет все больше и больше определяться мощностью экономического потенциала страны.

Если посмотреть на американские расходы на оборону, становится ясно, что оборонный бюджет нужно сокращать. Чтобы начать этот процесс, мы приступили к оценке и приоритизации угроз, стоящих перед Соединенными Штатами. И мне было очень интересно узнать, что российские ядерные силы даже не вошли в список из 15 главных угроз. Я думаю, что в сознании людей, отвечающих за оборону и внешнюю политику в Соединенных Штатах, вероятность ядерной войны с Россией рассматривается как совершенно незначительная. И это говорит мне о том, что мы, люди, собравшиеся в этой аудитории, люди, которые много думают над этими вопросами, несколько отстали от времени.

Перехожу к следующему пункту своего выступления. Это — вопрос противоракетной обороны. У него длинная история. Наступательно-оборонительные отношения всегда были темой для дискуссий. Появились два новых отличия. Первое — это то, что мы сейчас переживаем такой момент, когда неясно, сумеем ли мы продолжить процесс дальнейшего сокращения наступательных вооружений без достижения согласия о каких-либо действительных ограничениях на оборону в соответствии с Договором по ПРО. Это вопрос открытый.

Второе, по моему мнению, более важное. Дело не в озабоченности американо-российскими стратегическими отношениями; на самом деле — это последствие решения НАТО сосредоточиться на третьей стране — Иране, от которого начинает

исходить угроза. Таким образом, очень важная часть американо-российских отношений на самом деле поставлена в прямую зависимость от решения иранской проблемы, и я должен спросить себя: «Это разумно?» А что, если нам удастся успешно дипломатическим путем урегулировать вопрос с Ираном и от Ирана не будет исходить никакой явной угрозы? Тогда вопрос отпадет сам собой? Пересмотрит ли тогда НАТО свое решение о размещении этих систем? Я не знаю, но я думаю, что это хороший вопрос, и интересно, что Барак Обама сказал, что он не думает, что политика сдерживания окажется эффективной стратегией в случае с Ираном. Если вопрос о сдерживании не стоит на повестке дня как стратегия, тогда что лежит в основе решения НАТО о развертывании стратегической обороны? Разве стратегическая оборона имеет смысл вне контекста стратегии сдерживания?

Но другой момент в отношении иранского элемента и программы НАТО, вызывающий озабоченность, это — эффективность системы. Насколько я понимаю, Россия в основном озабочена тем вооружением НАТО, которое может появиться в 2021—2022 годах. Это так называемый SM3 Block 2B. Но развертывание такого вооружения будет зависеть от американского бюджета на оборону, а, по моему мнению, расходы США на оборону будут серьезно сокращены. И еще один момент — если внимательно посмотреть на научно-исследовательскую и опытно-конструкторскую работу США в области наших стратегических оборонных проектов, то они никогда не работали так, как это декларировалось, и никогда не были столь эффективными, как это предполагали американцы. Не говорим ли мы об угрозе, с которой не столкнемся даже в ближайшие десять лет, а может быть, и никогда?

Если это так, то как мы можем продолжать ставить в зависимость дальнейшие переговоры по сокращениям между США и Россией, которые являются лишь частью более широкой стратегии для решения наиболее насущной ядерной проблемы в предстоящие годы — проблемы распространения ядерного оружия и потенциала для ядерного терроризма? В соответствии с концепцией Global Zero дальнейшие сокращения между США и Россией, движение в направлении многосторонних усилий с Китаем, Индией, Пакистаном и другими странами с целью договоренности о сокращениях путем переговоров является важным элементом стратегии сдерживания дальнейшего распространения ядерного оружия. Если мы допустим, чтобы дебаты о противоракетной обороне, которые, по моему мнению, сильно преувеличены с обеих сторон, заблокировали процесс продвижения к более низким уровням распространения ядерного оружия, то, по моему мнению, сделаем колоссальную ошибку.

Какое же может быть решение? С одной стороны, я не думаю, что мы сможем достичь политического решения по Договору по ПРО. То практическое сотрудничество, которое предложили США и НАТО для решения проблемы противоракетной обороны, по моему мнению, является недостаточным. Почему бы не подумать о внесении поправок в Хартию Россия — НАТО, заявив, что ни одна из сторон не будет предпринимать какие-либо шаги, которые могут неблагоприятно повлиять на способность ответного удара со стороны другой. Это не будет Договор по ПРО, но, я думаю, будет реальным шагом для удовлетворения желания России «иметь что-то на бумаге», как сказал Президент Медведев, в дополнение к каким-то совместным проектам и программам. Примерно об этом в своем докладе генерал В.И. Есин говорил некоторое время тому назад.

В заключение я хотел бы сказать, что ни в России, ни в США общественность

не принимает достаточного участия в плане шагов по сокращению роли ядерного оружия в международных делах и по угрозе противодействия его распространению. Я прошу политических лидеров подумать об этом. Мы достигали реального прогресса в контроле над вооружениями только с участием общественности, которая выражала тревогу по поводу ядерной войны. Ирония заключается в том, что, поскольку никто даже не думает о возможности стратегического обмена между США и Россией, этот вопрос интересует только очень узкий круг людей. Заместитель председателя правительства Д.О. Рогозин говорил о догме. Догматики в этом вопросе у нас есть с обеих сторон. Необходимо, чтобы общественность действительно настаивала на продвижении вперед по этим вопросам и чтобы лидеры стран реагировали на эти требования. Тогда они могли бы противостоять материально заинтересованным кругам: военным, идеологическим, технологическим или иным — и вплотную занялись решением этой проблемы.

РЕПЛИКА

А.Г. Арбатов: Почти 45 лет назад в маленьком местечке около Нью-Йорка, в Гласборо, в мае 1967 года состоялось первое обсуждение проблем противоракетной обороны, в котором участвовали Президент США Л. Джонсон, министр обороны США Р. Макнамара и премьер-министр СССР А.Н. Косыгин. Наверное, Р. Макнамара, которого я считаю одним из величайших стратегических мыслителей XX века, был бы очень удивлен, узнав, что 45 лет спустя вице-премьер Д.О. Рогозин с жаром будет отстаивать те идеи, которые Макнамара тогда высказал Косыгину. Но еще больше был бы удивлен Алексей Николаевич Косыгин, если бы он узнал, как настойчиво американская сторона будет предлагать те подходы к решению проблемы, которые предлагал тогда он сам, сказав, что «оборона — это хорошо, а наступление — это опасно и это угроза миру».

Я напоминаю об этом потому, что жизнь долгая, позиции сторон меняются. Не исключаю, что через какое-то время США и Россия вновь поменяются позициями, поэтому какими бы ни были наши противоречия, давайте не будем драматизировать, а будем их спокойно решать.

Пути укрепления военной безопасности: роль контроля над вооружениями.

РОГОВ

СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ,

академик РАН, директор Института США
и Канады РАН

Первый и важный вопрос — что понимать под контролем над вооружениями? Существующий уже более четырех десятилетий контроль над вооружениями предусматривает их сокращение и ограничение. Речь идет о регулировании баланса сил (стратегического или военного баланса в целом), но не ставится задача всеобщего и полного разоружения. То есть контроль над вооружениями и разоружение — это понятия связанные между собой, но отнюдь не тождественные.

Второе соображение. В настоящее время вся система контроля над вооружениями, которая сформировалась в период холодной войны и была закреплена в целой серии договоров, переживает тяжелейший кризис. Так, большой ущерб этой системе нанес выход Соединенных Штатов из Договора по противоракетной обороне 1972 года. Эффективность противоракетной обороны и противовоздушной обороны невелика. Однако в годы холодной войны американская сторона так долго убеждала нас в том, что Договор по ПРО — краеугольный камень стратегической стабильности, что мы наконец поверили в это и до сих пор продолжаем в это верить. Целый ряд других договоренностей, на которых зиждился режим контроля над вооружениями, также оказался либо сорванным, либо фактически не функционировал. В частности, это относится к Договору по обычным вооруженным силам в Европе (ДОВСЕ), который, может быть, формально и не умер, но совершенно ясно, что не жив.

Неэффективен Договор о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО). Он формально существует, но количество государств, обладающих ядерным оружием, увеличилось, и вполне возможно, что, если не будет решена проблема Ирана и Кореи, мы скоро столкнемся с появлением новых ядерных держав. Нет никаких перспектив — и это тоже наносит удар по системе контроля над вооружениями и нераспространения — ратификации американским сенатом Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ). Все это заставляет очень серьезно задуматься, почему тот режим контроля над вооружениями, который мы создавали во время холодной войны, начинает пробуксовывать.

Одна из причин — радикально изменилась система международных отношений, мир перестал быть биполярным, он движется к полицентризму, при этом практически все центры силы либо обладают ядерным оружием, либо, как Япония, могут в течение буквально нескольких недель или месяцев его получить. Далее, если раньше

в многополярной системе действовали ключевые державы, которые принадлежали к единой европейской или западной цивилизации, то сегодня полицентричный мир представляет самые разные цивилизации.

На современном этапе отсутствуют принятые и всеми соблюдаемые нормы и эффективные институты, которые позволяли бы управлять этим полицентричным миром. Ясно, что та система контроля над вооруженными силами, которая была создана в период холодной войны, должна подвергнуться существенной модернизации. Если мы должны вовлечь другие центры силы в режим контроля над вооружениями, то сразу выяснится, что ключевой принцип, на котором строился контроль над вооружениями в годы холодной войны, — паритет. Когда же участников не двое, а трое, четверо и больше, то возникают новые проблемы — чем заменить принцип паритета, если его вообще можно заменить.

США и СССР, а потом Россия, договорились фиксировать принцип паритета с помощью юридических обязательств. А ведь Англия, Франция, Китай, неофициальные ядерные державы, вообще не имеют практически никакого опыта участия в юридически обязывающих соглашениях по контролю над вооружениями. Впрочем, даже в российско-американских отношениях, в которых мы вроде бы привыкли оформлять все юридическими обязательствами, этот принцип пробуксовывает. Это мы видим на примере переговоров по ПРО и требований России закрепить некоторые обязательства юридически.

Появились новые угрозы. Это не только ПРО. Это обычные вооружения, которые по своим характеристикам приближаются к ядерным вооружениям, позволяют поражать защищенные цели, наносить стратегический удар. Это только первые шаги таких систем вооружения, но ясно, что они будут развиваться и в дальнейшем. Как их ограничивать в условиях, когда ДОВСЕ перестал работать и когда сегодня у нас вообще нет никакого механизма контроля над неядерными вооружениями?

Космическое вооружение — вот угроза, которая может подорвать стратегическую стабильность. Если противоракетная оборона будет включать космический эшелон, то ситуация в сфере стратегической стабильности совершенно изменится.

Сегодня мы достигли критического момента, который требует полностью переосмыслить работу механизма контроля над вооружениями. Если мы это не сделаем, то может произойти распад этого механизма, и новый Договор о СНВ вообще станет последним договором по контролю над вооружениями. Альтернатива — изобрести контроль над вооружениями заново и максимально его приспособить к реалиям полицентричного мира.

АНТОНОВ

АНАТОЛИЙ ИВАНОВИЧ,

заместитель министра обороны
Российской Федерации

Мне хотелось бы осветить три важных аспекта: первый — это факторы, которые сегодня влияют на безопасность в Европе, второй — это существующая система соглашений и третий — это мой взгляд на алгоритм выработки будущих соглашений в области контроля над вооружениями. За последние 20 лет произошли серьезные изменения в системе безопасности на евроатлантическом пространстве. Сегодня безопасность определяется рядом разнонаправленных факторов. Можно выделить две группы факторов. Первая группа — это факторы, снижающие безопасность России, вторая группа — факторы, способствующие усилению безопасности.

К первой группе факторов я бы отнес изменение архитектуры безопасности. Здесь необходимо учитывать наращивание военного потенциала НАТО и, конечно же, развертывание сил ПРО вблизи российских границ. Также существенно сократилось оборонное пространство России, основные административные и промышленные центры России стали сегодня более уязвимыми. Кроме того, появились новые виды вооружения, по своему воздействию сравнимые с применением ядерных вооружений. Однако важно подчеркнуть, что роль ядерного сдерживания в обеспечении стратегической стабильности не изменилась. Именно концепция ядерного сдерживания лежит в основе ядерной политики ядерных государств.

Вторая группа факторов — это позитивные моменты. На сегодняшний день отсутствуют принципиальные идеологические разногласия, которые могли бы послужить основанием для военного противостояния. Происходит — и это действительно реальность — взаимное переплетение экономических интересов государств. Изменился характер военной угрозы. Произошел отказ от концепции фронтального противостояния огромных масс личного состава вооруженных сил и возникла новая угроза — глобальный терроризм. Появились новые тенденции в характере вооруженной борьбы. Сегодня отдается приоритет бесконтактным способам ведения боевых действий; исходя из новых реальностей, новых угроз и вызовов, происходит сокращение и реформирование вооруженных сил большинства европейских государств.

Кроме того, ко второй группе факторов относится и повышение открытости военного строительства. Увеличился объем доступной информации о состоянии вооруженных сил. Могу вам сказать, что на всех двусторонних консультациях по линии, к примеру, оборонных ведомств главным вопросом являются итоги реформирования вооруженных сил как России, так и государств-партнеров.

Очевидно, что отношения между Россией и НАТО в военной области меняются. Хотел бы в качестве позитивного момента выделить договоренность о военно-техническом сотрудничестве. Если сравнить негативные факторы, о которых я сказал,

и позитивные, то, на мой взгляд, очевидно, что позитивные факторы перевешивают.

Теперь несколько слов о современной правовой основе системы безопасности. Как мне кажется, в этой связи необходимо выделить целую систему взаимосвязанных соглашений и договоров: Договор по ПРО, который не существует, о котором сегодня говорилось, Договор о РСМД, Договоры о СНВ, ДОВСЕ и адаптированный ДОВСЕ, Венский документ и Договор по открытому небу.

Какие задачи решает эта система взаимосвязанных соглашений? Изначально она была направлена на жесткий контроль действий противника и уменьшение возможности противника по внезапному применению силы — это одна из задач этих соглашений. Кроме того, они направлены на снижение военных расходов. Наконец, на создание форумов для диалога по вопросам безопасности и оперативного снятия озабоченностей.

Хотел бы прокомментировать вопрос по противоракетной обороне, который неоднократно возникал в ходе сегодняшней дискуссии, и отреагировать на выступления г-на Хейсбурга и г-на Берта. Во-первых, у нас нет опасений, что американская система ПРО «обнулит» силы ядерного сдерживания России. Во-вторых, я бы поставил под вопрос тезис о том, что ядерные силы Российской Федерации не представляют угрозы для США. В противном случае Вашингтон не стал бы вести с нами переговоры о сокращении стратегических наступательных вооружений. Более того, в рамках нового договора устанавливается интрузивная система проверки, при этом изначально российское предложение включало положение о проведении пяти проверок, а в итоге мы пришли к цифре 18. И это очень серьезно — в Договоре о СНВ речь идет не только о количественных показателях, речь идет о проблеме верификации, важной для американской стороны.

По поводу проблематики взаимосвязи СНВ и ПРО напомню, что именно американская сторона предложила в преамбуле договора фразу о взаимосвязи СНВ и ПРО дополнить предложением, что по мере дальнейшего сокращения СНВ роль систем ПРО возрастает.

Французский коллега (Франсуа Хейсбург) вывел из выступления Д. Рогозина, что якобы Россия имеет право на систему ПРО, а европейцы — нет. Однако никто так не ставит вопрос. Мы говорим о том, что, если вы признаете концепцию неделимости безопасности, о которой сегодня говорил российский президент, тогда не укрепляйте свою безопасность за наш счет. Мы говорим о нашей системе ПРО вокруг Москвы и не скрываем, что эта система против США. Нас, однако, пытаются убедить в том, что система, которая создается в Европе, не против России. Мы же на закрытых двусторонних переговорах на конкретных фактах и цифрах показываем, что она подсекает силы ядерного сдерживания на определенном этапе развития.

Мы говорим нашим американским коллегам: «Друзья, не нарушайте баланс. Если вы выбираете такой путь, если вы продолжаете этот путь, то мы, соответственно, примем конкретные военно-технические меры». И об этом Президент предупредил. Ничего больше. Хотите иметь такую систему — да ради бога. Пусть Франция и США ее развивают — никто не запрещает.

Далее хотел бы высказать свою точку зрения по проблеме обычных вооруженных сил в Европе: ДОВСЕ мертв, а адаптированный ДОВСЕ почти мертв. Нет никакой возможности что-то модернизировать или модифицировать на основе ДОВСЕ. ДОВСЕ и адаптированный ДОВСЕ создавались на основе мышления времен холодной

войны. Если теперь мы не враги, то давайте сотрудничать.

Если у наших партнеров есть желание сотрудничать в области ПРО, то почему бы и в области обычных вооружений нам не отказаться от количественных ограничений, от верификаций и не начать сотрудничать? Давайте сделаем договор о сотрудничестве в области обычных вооружений. Недавно я беседовал на эту тему с заместителем министра обороны одного из ведущих западноевропейских государств. На вопрос, чего они хотят в данной сфере, я получил очень интересный ответ: «Мы хотим транспарентности. Мы хотим понижения порогов уведомлений по учениям. И третье, мы хотим решить проблему Абхазии». В ответ я напомнил, что для первых двух вопросов есть Венский документ, и высказал недоумение, почему мы не можем работать в его рамках. А если сегодня кто-то хочет попытаться через контроль над вооружениями решить проблему Абхазии, то такой договоренности не будет.

Было бы неправильно не упомянуть новый договор о СНВ. Министр иностранных дел Российской Федерации уже неоднократно говорил о том, что новый Договор о СНВ — это «золотой стандарт» в области решения проблем стратегической стабильности.

Назову семь моментов, которые, на мой взгляд, было бы необходимо отразить в будущих договоренностях по контролю над вооружениями.

1. Должны быть определены источники военной угрозы.
2. Должна быть проведена оценка приоритетов реагирования исходя из степени военной безопасности.
3. Должен быть выработан механизм совместного реагирования на вызовы и угрозы.
4. Должен быть принят во внимание комплексный учет потенциалов всех видов вооружений, имеющих в распоряжении участников соглашения.
5. Необходимо на деле реализовать принцип неделимости безопасности.
6. Необходимо использовать существующие механизмы контроля, разумеется, приведя их в соответствие с реалиями сегодняшнего дня.
7. И, наконец, необходимо думать о развитии добровольных мер сотрудничества и доверия, обеспечивающих открытость целей и направленности военного строительства.

БРЮС БЛЭР, президент Института мировой безопасности (США), соучредитель движения «За безъядерный мир» (Global Zero)

Группа «За безъядерный мир» (Global Zero) определила в качестве ключевых несколько задач в деле контроля над вооружениями. Действительно, существуют глубокие двусторонние разногласия между Соединенными Штатами и Россией в этом вопросе. Обе стороны, однако, прилагают активные усилия для того, чтобы собрать за столом переговоров все ядерные государства с тем, чтобы впервые в истории начать многосторонние переговоры по сокращению арсеналов ядерного оружия. Также необходимо отменить состояние полной боевой готовности наших ядерных сил, в котором они пребывают в настоящее время.

По многим причинам предпринимать шаги, направленные на решение данных проблем, не только возможно, но и желательно. С моей точки зрения, взаимное ядерное сдерживание перестало быть краеугольным камнем взаимоотношений США и России в сфере безопасности. Первая причина: взаимное гарантированное уничтожение, или взаимное сдерживание, уже не так широко обсуждается в обществе; эта проблема потеряла свою актуальность в отношениях двух стран как в психологическом, так и в политическом смысле, за исключением, как отметил ранее в своем выступлении Ричард Берт, лишь очень немногих правительственных чиновников. Разумеется, в наших отношениях остается нерешенной техническая сторона концепции взаимного гарантированного уничтожения. Имеются и определенные заинтересованные круги, способствующие поддержанию концепции взаимного гарантированного уничтожения в техническом плане. Однако сегодня эти сценарии из наследия времен холодной войны абсолютно невозможны. Вряд ли можно представить ситуацию, при которой инициатива ядерного нападения одной из сторон соответствовала бы интересам национальной безопасности любой из них. Такое может произойти только случайно.

Второй причиной для принятия таких мер является реально существующая для обоих государств (России и США) угроза со стороны несостоявшихся государств (failed states), государств-изгоев (rogue states), связанная с проблемами нераспространения, терроризмом, региональными конфликтами, не говоря уже о пиратстве, незаконном обороте наркотиков и перемещении беженцев. Эти проблемы просто не могут быть решены с помощью ядерного оружия. Ядерное оружие в большей степени само по себе превратилось в проблему, нежели в средство ее решения. Собственно говоря, мощные сухопутные войска и противоракетная оборона являются гораздо более надежным и эффективным инструментом для сдерживания и поражения агрессора XXI века. Сейчас неядерные вооруженные силы как средство защиты вызывают гораздо большее доверие наших союзников. Как отмечал Ричард Берт, нью-йоркский Совет по международным отношениям (CFR) провел исследование, в ходе которого были опрошены сотни экспертов относительно нынешних угроз Соединенным

Штатам, и при этом Россия даже не упоминалась в числе 20 ключевых проблем, которые, по мнению экспертов, представляют собой прямую угрозу США или их стратегическим партнерам.

Я хотел бы проиллюстрировать эти существенные изменения, напомнив три последних случая, когда в кризисной ситуации Соединенные Штаты приводили свои ядерные силы в состояние полной боевой готовности. В первый раз это произошло во время Карибского ракетного кризиса 1962 года, во второй раз — во время войны «Судного дня» в 1973 году. Оба случая являются яркой иллюстрацией балансирования на грани ядерной войны в XX веке. В третий раз мы приводили наши ядерные силы в состояние полной боевой готовности уже в XXI веке: 11 сентября 2001 года, когда мощнейший ядерный арсенал оказался неспособен предотвратить катастрофу и доказал свою полную бесполезность в отражении нападения. Пусковые комплексы и их персонал могут сами оказаться объектом атаки террористов, как и Пентагон. Именно этому мы и пытаемся противостоять сегодня. Наше ядерное оружие действительно практически неприменимо и бесполезно в борьбе с сегодняшними угрозами, а может даже само являться объектом преступных устремлений.

Третьей причиной необходимости принятия мер является то, что в течение 40 лет переговоров по ограничению и сокращению вооружений в них не участвовало ни одно государство, кроме США и России. Подобное сужение формата переговоров не позволяет охватить все многообразие событий текущего столетия, все новые ядерные угрозы, такие как неконтрольное наращивание ядерного арсенала Пакистаном до уровня, превосходящего все остальные страны, за исключением Китая, России и Соединенных Штатов. Таковы новые угрозы, которые полностью находятся вне сферы традиционного двустороннего контроля над вооружениями. И наконец, затрачены огромные средства на поддержание этих пережитков холодной войны. В США соответствующие ежегодные затраты доходят до 30 млрд долларов, в России — 10 млрд, и мы еще запустили программу модернизации, которая может обойтись России в сумму около 70 млрд. долларов в ближайшие 10 лет, а США — в 200 млрд. в течение ближайших 20 лет. Эти вложения средств продиктованы устаревшей логикой, логикой холодной войны XX века.

Соединенные Штаты и Россия сошлись во мнении и признают, что наиболее серьезная ядерная угроза сегодня находится вне сферы их двусторонних отношений. Им необходимо возглавить процесс привлечения всех государств, обладающих ядерным оружием, к столу переговоров и впервые в истории провести многосторонние переговоры по ограничению ядерного оружия. Целью этой работы должны стать замораживание и пропорциональное сокращение всех арсеналов ядерного оружия всех участников переговоров, а не только Соединенных Штатов и России. И под словом «всех» мы понимаем все арсеналы — стратегические и нестратегические, развернутые и резервные. Очевидно, что собрать все заинтересованные стороны за столом переговоров будет сложной задачей, особенно вначале. И вероятно, эту работу следует начать с налаживания диалога с Китаем и другими странами, которые уделяют основное внимание проблемам прозрачности и проверки. Мы полагаем, что согласованные усилия, возглавляемые США и Россией, позволят достичь реального прогресса в этом вопросе.

США и Россия должны начать новый раунд двусторонних переговоров по сокращению их арсеналов до уровня одной тысячи единиц всех видов оружия с каждой

стороны. Это нужно потому, что эти цифры в значительной степени превосходят разумные требования к объемам оружия, необходимым для сдерживания в XXI веке, а также потому, что, по нашему мнению, это уровень, при котором к данному процессу можно будет привлечь Китай. Мы полагаем, что общий уровень в 500—1000 единиц ядерного оружия с каждой стороны позволит рассчитывать на участие в переговорах Китая.

Обеим сторонам необходимо принять неотложные меры по увеличению времени предупреждения и принятия решения в системах командования и контроля, используемых для управления развернутыми ядерными силами в России и США. Сейчас для стратегических ядерных сил это время измеряется минутами и секундами. Средства доставки могут быть подготовлены к запуску в течение секунд. Нашим центрам дальнего обнаружения отводятся три минуты для предварительной оценки, и, если есть основания предполагать, что по Северной Америке может быть нанесен ракетно-ядерный удар, президент страны должен собрать срочное совещание с участием высших должностных лиц ядерного сообщества. Какое время отводится стратегическому командованию в штате Омаха, чтобы доложить президенту об имеющихся вариантах ответных действий и всех возможных последствиях? На это может быть отпущено всего лишь полминуты. И у президента остается максимум 12 минут, чтобы принять решение. В России действуют практически такие же временные нормы. Это — опасный признак возврата к холодной войне, и, как говорил ранее Десмонд Браун, а также к чему призывает Группа «За безъядерный мир» (Global Zero), обеим сторонам следует отказаться от таких опасных и чреватых сбоями процедур приведения ядерных сил в боевую готовность. Мы провели некоторые исследования, результаты которых также говорят в пользу необходимости увеличения времени на предупреждение и принятие решения об использовании тактических ядерных сил путем их снятия с боевых позиций и перемещения в места постоянного хранения, что продлит период времени, отводимого на предупреждение и принятие решения, до нескольких дней.

КОЛТУНОВ **ВИКТОР СТЕФАНОВИЧ,** заместитель директора Института стратегической стабильности, генерал-майор

Я 25 лет своей жизни посвятил проблеме контроля над вооружениями. Одна из целей нашей конференции заключается в том, чтобы обозначить возможные шаги, направленные на дальнейшее укрепление военной безопасности. Первая мысль, которая в этой связи возникает, — это подготовка очередного соглашения в области

ядерных вооружений. Вряд ли с этим можно спорить. Тем не менее хотелось бы высказать несколько соображений, чего при этом мы не должны допустить и что должны сделать.

Ясно, что очередное соглашение не должно быть самоцелью. Не всякое соглашение обязательно приводит к укреплению безопасности. Этой цели оно достигает лишь в том случае, если будет базироваться на принципе равенства, если стороны не будут пытаться обеспечить свою безопасность за счет ущемления интересов безопасности другой стороны, если будут учитываться все факторы, предопределяющие стратегическую стабильность и обеспечивающие национальную безопасность.

Подписанный новый Договор о СНВ вступил в силу и будет действовать 10 лет, до 5 февраля 2021 года. Таким образом, для выработки следующего договора запас времени есть. Поэтому предлагаю не торопиться с завершением подготовки нового соглашения. Имеющееся время необходимо использовать для глубокой проработки многих вопросов. Ведь если это соглашение будет охватывать не только стратегические, но и тактические вооружения, не только развернутые, но и находящиеся на складском хранении, не только носители, но и ядерные боезаряды, о чем сейчас много говорят, то оно будет намного сложнее. При этом между сторонами имеется и накапливается, к сожалению, огромный потенциал недоверия. Его нужно постепенно устранять.

Представляется, что на укрепление доверия могло бы положительно повлиять возобновление механизма штабных переговоров между представителями Комитета начальников штабов Вооруженных сил США и Генерального штаба Вооруженных сил России.

Я напомним, что после распада Советского Союза первые российско-американские переговоры были проведены в Вашингтоне в мае 1994 года. Их участником мне довелось быть. Затем последовали подобные встречи в Москве. По обоюдному признанию, эти переговоры оценивались как весьма полезные. Вскоре, правда, по ряду обстоятельств такая работа прекратилась, а по существу ведь за это время накопилось много новых проблем, требующих выяснения, выработки общего понимания, особенно на уровне высококвалифицированных специалистов, к тому же, как правило, принимающих участие в выработке позиций своих стран.

Одна из важных проблем — выработка общего понимания стратегической стабильности, глобальной безопасности в современных условиях. Уяснив это, можно более предметно говорить о путях ее поддержания и укрепления. Уже сегодня выяснились две точки зрения на эту проблему. Одни говорят, что роль ядерного оружия и в современных условиях не изменилась, другие пытаются определять глобальную безопасность, стратегическую безопасность, через состояние международных отношений, когда стороны не имеют намерений и не обладают возможностями использовать военную мощь государства в качестве инструмента экспансии своих интересов.

В американском программном документе — Обзоре оборонной политики США, опубликованном в феврале 2010 года, — записано: миссия министерства обороны США заключается в защите американского народа и продвижении национальных интересов. То есть на вооруженные силы возлагаются уже две функции. Однако что понимается под продвижением национальных интересов? В каких формах она

может осуществляться, чтобы это не приводило к росту напряженности в мире и конфронтации? Это требует разъяснения.

В августе 2002 года в США был принят документ Комитета начальников штабов — Объединенная доктрина космических операций. Там, по существу, говорится о праве США действовать в космосе, из космоса и в отношении космоса. Высказывается мысль, что оружие может появиться в космосе, и США здесь хотят занимать лидирующее положение. Обращает на себя внимание, что в этих документах встречаются такие термины, как «космическая мощь», «применение силы», «превосходство в космосе».

Известный американский проект «Молниеносный глобальный удар», судя по всему, сейчас получает развитие. Суть его состоит в том, чтобы разработать сверхскоростное, сверхмощное и сверхточное обычное оружие, которое позволило бы в течение не более одного часа после поступления приказа поразить любую цель в любом регионе земного шара. Опять же существуют разные точки зрения на этот проект. Есть мнение, что под видом объявленных официально целей — терроризма, нарушения режима нераспространения — преследуются совсем другие цели.

Полагаю, что успеху переговоров, когда они начнутся, должен содействовать вывод американских войск из Европы. И американские эксперты, и наши эксперты отмечают, что в нынешних условиях тактическое ядерное оружие не имеет военной значимости, влечет за собой финансовые расходы и риски в области безопасности, включая угрозу захвата террористами, а также создает политические трения между Россией и НАТО.

Известно, что 26 сентября 1997 года в Нью-Йорке был подписан пакет соглашений по разграничению стратегической и нестратегической ПРО. В этот пакет также входил Меморандум о мерах доверия. Российская сторона пакет этих документов подписала и ратифицировала, американская сторона — подписала, но не ратифицировала. Но ведь можно, и в этом заключается мое предложение, задействовать потенциал этого Меморандума. Там предлагаются такие меры, как обмен мнениями об испытательных полигонах, об иных местах испытания, о датах проведения пуска противоракет, о показах своих систем противоракетной обороны, о приглашении на учения и т. д.

О будущем соглашении сейчас ведется много дискуссий на разных уровнях. Мне кажется, что эти дискуссии нужно направлять в русло выработки мандатов будущих переговоров, как это было сделано в свое время по Договору о ДОВСЕ. Заблаговременно нужно определить в этом мандате и предмет переговоров, какие вооружения должны подпадать под будущее соглашение, и участников переговоров, а здесь высказывалась мысль о многосторонности, и это действительно правильная мысль. Но тогда возникает вопрос — кто примет участие в этом процессе? Будут ли это пять официальных ядерных держав, должны ли неофициальные ядерные державы принимать участие, как относиться к пороговым государствам и т.д.?

Американская сторона говорит, что надо сокращать диспропорцию в области тактического ядерного оружия. Но остается вопрос: как сокращать диспропорцию в области обычных вооруженных сил? Как устранять диспропорцию в области ПРО, в области крылатых ракет морского базирования и т. д.? Иными словами, нужно выработать мандат на будущие переговоры, только тогда можно выходить на эти переговоры.

БУЖИНСКИЙ ЕВГЕНИЙ ПЕТРОВИЧ,

старший вице-президент ПИР-Центра,
генерал-лейтенант

Контроль над вооружениями оказывал существенное влияние на укрепление военной безопасности, во-первых, путем снижения потенциалов по отдельным видам вооружения и, во-вторых, путем увеличения транспарентности. К сожалению, в последнее время контроль над вооружениями принял своеобразные формы, в основном, по вине наших западных партнеров.

Почему-то совершенно не принимается во внимание подход, что безопасность неделима и все должно рассматриваться в комплексе, а упор делается на те вопросы, которые интересуют наших западных партнеров и в которых Россия имеет если не преимущество, то равенство. Обходятся вопросы, которые интересуют Россию, но совершенно не интересуют Запад. Это противоракетная оборона, размещение или неразмещение оружия в космосе. Нам говорят, что это вопросы нерелевантные, вам они не угрожают, поэтому обсуждать их не имеет смысла.

Я принимал участие практически во всех консультациях по противоракетной обороне начиная с 2002 года, после выхода США из договора 1972 года, и когда мы начали говорить о сотрудничестве в области противоракетной обороны. Так вот, что меня беспокоит, — это постоянно ожесточающаяся позиция США по вопросам ПРО. Я говорю даже не о той части республиканцев в Сенате, которые на грани истерии требуют: «никаких уступок русским, никакой информации русским». ПРО — это «священная корова». Я говорю об общем подходе. Вспоминаю, что на первоначальных этапах наших консультаций говорилось о защите североамериканского континента. Кстати, этим объясняется реакция по поводу заявления нашего Президента, в то время Владимира Владимировича Путина. Он сказал, что мы сожалеем о выходе США из Договора по ПРО, но пока эта система нам не угрожает, потому что она ограничивается пределами североамериканского континента. Потом возникли европейский сегмент, сегмент в Азиатско-Тихоокеанском регионе, но даже тогда на наш вопрос, а что будет с вашей системой ПРО, если иранская угроза исчезнет, нам отвечали: «Тогда мы ее остановим и даже, может быть, демонтируем». Хотя бы заявления такие были. А что сейчас? А сейчас нам говорят: «Иран — это одна из угроз, а могут возникнуть и другие. Вообще, мир непредсказуем. Поэтому система есть и будет дальше развиваться».

Несколько слов о проблеме, которая стала очень модной в последнее время, о которой упоминалось на сегодняшней конференции — это нестратегическое ядерное оружие. Тема вошла в официальные документы Лиссабонского саммита, резолюцию Сената по ратификации ДСНВ. Появилось распространенное мнение о якобы диспаритете между Российской Федерацией и США. Нет абсолютно никакого диспаритета. Потому что считать нужно не стратегические ядерные боезаряды, а

все боезаряды. И если взять боезаряды, стратегические и нестратегические, у США и России будет примерно по 5000. Более того, в силу специфики геостратегического положения США Соединенным Штатам, с моей точки зрения, нестратегическое оружие вообще не нужно. Два океана с запада и востока, на севере — союзник, на юге — почти союзник. Против кого оборонять территорию нестратегическим ядерным оружием? Поэтому 200 боезарядов для того, чтобы наполнить ядерный потенциал НАТО, вполне достаточно.

У России совершенно другая ситуация — огромная территория, масса соседей, которые обладают нестратегическим ядерным оружием. Поэтому даже идея, которая высказывается последнее время, о каком-то едином уровне — лукавая. Когда нам говорят: «Давайте сделаем единый уровень, 1500 или 2000 боезарядов, а вы сами определяйте, у США будет больше стратегических, а у вас будет больше нестратегических». Значит, Соединенным Штатам все равно, что у нас будет больше нестратегических. Значит, речь идет о том, чтобы вообще снизить ядерный потенциал Российской Федерации. Но это совершенно нереально, потому что хотим мы или не хотим, но ядерное сдерживание никуда не денется, оно пока существует. Во всех доктринальных документах США и Российской Федерации оно присутствует. Поэтому только по стратегическим боезарядам Россия будет стараться поддерживать паритет.

Я не слышал со стороны наших западных партнеров предложений ограничить высокоточное оружие, крылатые ракеты большой дальности морского базирования, беспилотные ударные средства большой дальности, которые, кстати, сопоставимы по своей разрушительной силе с нестратегическим ядерным оружием и даже со стратегическим. Почему бы не запретить разработку оружия на новых физических принципах? Никто не выступает с такими идеями. А в плане контроля над вооружениями, я думаю, это было бы очень прогрессивным шагом.

Полностью согласен с Анатолием Ивановичем Антоновым по вопросу о ДОВСЕ. Я вообще в последнее время все с большим скептицизмом отношусь к многосторонним договоренностям в области контроля над вооружениями, где единым фронтом выступает Североатлантический альянс. Зачем России договор, где 28 участников проверяют якобы остальные 5, а фактически проверяют Россию? Я особого смысла не вижу, тем более что уровень вооружения в Европе значительно снизился и, на мой взгляд, не предвидится какой-нибудь широкомасштабной вооруженной борьбы в Европе между НАТО и еще кем-нибудь. Венского документа и Договора открытого неба вполне достаточно для того, чтобы обеспечить транспарентность.

В заключение хочу сказать об идее пойти дальше Договора о СНВ. Давайте посмотрим, как этот договор будет выполняться, как будет происходить снижение стратегических наступательных вооружений, а потом, если созреют условия, при обеспечении общего стратегического баланса, наверное, можно будет думать о дальнейшем снижении.

ФРАНСУА ХЕЙСБУРГ, советник президента Международного института стратегических исследований (Франция)

Мы живем в мире, где любые категории оружия, и не только ядерного, становятся все более доступными. Практические, технические и финансовые барьеры его приобретения становятся все менее существенными. Если посчитать количество стран, обладающих средствами космического наблюдения военного назначения, то лишь за последние пятнадцать лет их число увеличилось с двух до четырнадцати. То же самое наблюдается во многих других сферах.

Китай вышел на второе место в мире по сумме расходов на военные цели. Хотя КНР все еще отстает от Соединенных Штатов по этому показателю, но при нынешних темпах прироста военного бюджета к 2020–2022 годам Китай будет расходовать на оборонные нужды столько же, сколько расходовали США накануне трагических событий 11 сентября 2001 года. Это неизбежно и существенно скажется на формате контроля над вооружениями: Россия не допустит, чтобы ее отодвинули вниз в «табели о рангах», в то время как Китай займет вторую строчку этого рейтинга.

Следует сохранить и усовершенствовать все меры по сохранению прозрачности ситуации в области обычных вооружений в Европе. Необходимы также новые «меры прозрачности» в других областях, например, возобновление эффективного обмена данными путем предоставления информации и заблаговременного предупреждения об испытательных пусках ракет и о пусках вообще, даже если они проводятся не в испытательных целях.

Если кто-то задаст вопрос: существует ли некая доктрина или логическое объяснение сегодняшнего базирования в Европе 180 (или около того) американских тактических ядерных единиц вооружения, то мой ответ будет прост: это очень трудно объяснить. Если меня спросят, намерены ли вы оставить некоторые из этих средств в Европе, то я отвечу: смотря что вы понимаете под Европой. Предпочитаю ли я иметь американское ядерное оружие в Турции, или на территории Турции лучше иметь турецкое ядерное оружие? Ответ: я бы предпочел, чтобы Турция оставалась членом НАТО и при этом на ее территории базировалось американское ядерное оружие. Соответствует ли сохранение такого статус-кво интересам России, Америки, Европы и Турции? Вероятно. Удастся ли сократить количество вооружений в рамках переговоров Россия — США/НАТО? Вероятно, да. Но я не сторонник такого шага до тех пор, пока не будет успешно разрешена ситуация с Ираном. И я определенно не сторонник изменения этого компонента статус-кво.

Два года назад я работал в составе международной комиссии по вопросам нераспространения ядерного оружия и ядерного разоружения вместе с Биллом Перри и Алексеем Арбатовым. Мы подготовили очень неплохой доклад. Я настаивал на том, чтобы установить некие ограничения на ядерные арсеналы стран, которые на том

этапе считали невозможным вести переговоры о сокращении вооружений (например, Пакистан, Индия, Китай). Сопротивление со стороны Китая было огромным. Сегодня предмет нашей озабоченности — сокращение ядерных арсеналов, потому что я не знаю, каков будет их объем в Китае через 5–10 лет. По-видимому, он вырастет. Китай также продолжает работы по созданию системы противоракетной обороны, ее техническим компонентам. Не только для американцев было бы полезным мыслить категориями ведения диалога по стратегическим вооружениям с Китаем (об этом идет речь в последнем американском обзоре по ядерной стратегии), возможно, и России было бы полезно подумать об этом.

Функционально космическое пространство эквивалентно тому, чем стало в течение последних веков морское пространство. Никто не смог предотвратить развитие боевых кораблей или подводных лодок, и никому не удастся предотвратить определенное использование космического пространства в военных целях. Но мы можем выработать «правила дорожного движения», некий «кодекс поведения» в космосе, договориться о неприменении определенных технологий, например, воздействия на спутники других стран, отказаться от проведения испытаний по уничтожению даже собственных спутников, как это сделал Китай несколько лет назад.

Я не очень пессимистично смотрю на многосторонний формат контроля над вооружениями, за исключением того, что многосторонний формат предполагает, что нам предстоит сделать гораздо больше, обеспечивая прозрачность и соблюдая правила поведения, а не сводя все к простому подсчету конкретных единиц. В мире, к которому мы движемся, простой арифметический подсчет становится менее значимым, чем разведывательная информация и конкретные знания, а также системы С41STAR (управление, контроль, связь, разведка, визуальное наблюдение, обнаружение цели, военная разведка), необходимые для оценки конкретных физических объектов. А эти системы не поддаются количественному учету в рамках контроля над вооружениями.

ПОЛЕМИКА

А.Г. Арбатов: Прозвучало, что никакой опасности в Европе в области обычных вооружений нет, беспокоиться не о чем, никого это не волнует. Меня поражает, насколько это противоречит духу нашей новой военной доктрины, которая была принята и подписана Президентом в 2010 году. Там на первое место среди рисков национальной безопасности поставлено продвижение военной инфраструктуры НАТО на восток. Если это так, тогда мне непонятно, почему никого это не волнует. Если никого это не волнует, давайте перепишем военную доктрину.

А.И. Антонов: Что за договор такой ДОВСЕ, который сразу рушится, как только один участник вдруг выходит из него, условно говоря, или приостанавливает свое действие? Генерал Трубников (Вячеслав Иванович Трубников) на одном из мероприятий в Вене выдвинул хороший тезис: «Когда на Западе привыкнут к тому, что Россия — это не объект, а субъект международных договоренностей, это будет очень здорово». На сегодняшний день я лично и как бывший сотрудник МИДа, и как человек, в настоящее время работающий в Министерстве обороны, не вижу никакого стремления со стороны западных стран, кроме одного — просвечивать российские возможности, поставить под контроль российские способности обычных

вооружений.

Мы говорим, что сегодня мы не враги, зачем нам с вами столь интрузивный контроль, столь интрузивная транспарентность, когда есть, к примеру, Венский документ. Чего мы хотим добиться? Давайте сделаем договор о сотрудничестве. Я все с большей и большей симпатией отношусь к идее нашего Президента о выработке договора о европейской безопасности. Если есть желание о чем-то с нами договариваться, то давайте расширим этот договор, давайте сделаем его немножко другим. Как сказал сегодня Президент, мы никогда не настаивали на том, что российские идеи однозначно хороши.

То, что НАТО движется к границам России, разумеется, нас беспокоит. Я всегда задаю вопрос, если у вас (США) все угрозы с юга, зачем вы движетесь на восток? Мы не скрываем, что рассматриваем потенциал нашего нестратегического ядерного оружия как потенциал сдерживания. У нас и раньше везде было записано: «Добиваться того, чтобы ни одна сторона не имела преимуществ в Европе в области обычных вооружений». Но если мы с вами реально понимаем, что НАТО — это одна сторона, как может сегодня в ходе переговоров Россия добиться какого-то паритета? Поэтому вопрос нивелирования возможностей стран НАТО в области обычных вооружений надо решать каким-то другим путем, что мы и делаем.

В.С. Колтунов: Система ПРО России — это система защиты одного района, который определяется Договором по ПРО. Та система ПРО, которую создают США, — это глобальная система, запрет которой составлял сердцевину Договора по ПРО. Ошибочно ставить на одну доску эти две системы.

В США недавно было сделано официальное заявление на уровне бывшего министра обороны о том, что разведсообщество США произвело переоценку ракетных угроз и теперь они видят, что основная угроза исходит от баллистических ракет малой дальности. Тогда возникает вопрос, зачем в глобальной системе ПРО развивается стратегический компонент? И если ограничиться угрозами от ракет небольшой дальности, то нью-йоркские договоренности полностью позволяли делать именно такие системы без нарушения Договора по ПРО. При этом не надо было выходить из договора.

Говорят: не нужно преувеличивать потенциал американской ПРО. Здесь явная подмена понятий. Дело в том, что ПРО нельзя оценивать только по количеству пусковых установок. ПРО — это три основных компонента: система информационного обеспечения, система управления и связи и огневые комплексы. Наиболее сложными, наиболее затратными являются именно первые компоненты. Это мозг системы. Если будут созданы эти компоненты, то нарастить количество противоракет — это уже дело политического решения. Его можно принять, приводя тот или иной аргумент.

Говорят, что небольшое количество противоракет не опасно для российской стороны. Здесь упускается из виду одна важная деталь: независимо от количества противоракет — 10, 20, 30 или 100 — другая сторона вынуждена будет реагировать и качественно, и количественно в области наступательных вооружений. А это провоцирует гонку вооружений. И в этом опасность этой системы.

Е.П. Бужинский: Вместо ДОВСЕ нужен новый договор. Простой, менее затратный, но как сотрудничать с Грузией в этом вопросе, не представляю. Приближение инфраструктуры НАТО к границам Российской Федерации обозначено как угроза. Мне лично как военному человеку непонятно, зачем модернизируется наша бывшая, советская инфраструктура на территории стран Восточной Европы и прибалтийских государств. Игорь Сергеевич Иванов, подписавший Соглашение об адаптации ДОВСЕ, и Александр Викторович Грушко, руководитель нашей делегации в 1999 году, могут подтвердить, что когда мы предложили:

«Давайте ограничим инфраструктуру на территории новых государств-членов НАТО», наши партнеры из НАТО ответили: «Причем здесь инфраструктура?». И это было действительно так.

С.М. Рогов: Договор по ПРО делал упор на количество перехватчиков районных базирований. Эту линию продолжил Протокол 1974 года, изменивший количество. Отсутствие Договора по ПРО создает неопределенность, и отсюда возникает стремление руководствоваться худшим сценарием. Но с моей точки зрения, если предполагать всегда только худший сценарий, лучшего сценария никогда в жизни не будет.

ДОВСЕ — это пример абсолютно устаревшего договора времен холодной войны, построенного на принципах паритета, но в данном случае не СССР и США, а Варшавского договора и НАТО. Где сейчас Варшавский договор? Давно вошел в состав НАТО. Давайте посмотрим на ограничения, которые все еще действуют. Они позволяют каждой стороне увеличить количество вооружений в 2—3 раза, поскольку все уже давно сократили до предельно низкого уровня. Что это за договор о контроле над вооружениями, который позволяет заниматься buildup, то есть наращиванием вооружений, а не builddown, то есть сокращением вооружений? Почему полтора десятка европейских стран не являются участниками этого режима? Потому что они не являются членами НАТО? И Россия не является членом Североатлантического альянса. Необходим режим контроля над вооружениями в Европе, который бы продолжил то, что было сделано в ДОВСЕ, но не копировал его, а вовлек бы все европейские государства в этот режим, не устанавливал бы неадекватные параметры.

Режим контроля над вооружениями, который регулировал соперничество СССР и США в годы холодной войны, был уникальным, обеспечивал определенный уровень стратегической стабильности в тот период. Но сегодня ситуация совершенно иная, и строить контроль над вооружениями на этих принципах очень трудно. Мы много говорили о возможном сотрудничестве в сфере безопасности, и сама тема конференции посвящена этому вопросу. Понятно, что мы не можем полностью отказаться от контроля над вооружениями. Надо его модернизировать и определить, какие элементы двустороннего российско-американского контроля над вооружениями нам нужны. Мы должны подумать, как использовать наш российско-американский двусторонний потенциал в сфере контроля над вооружениями, чтобы рано или поздно вовлечь в эту сферу и другие ядерные державы. С Америкой или с НАТО мы можем сколь угодно долго друг друга ограничивать, а в это время в Азии будет существовать ничем не ограниченный гигант. И, может быть, не один.

Если мы все пустим на самотек, то будущие историки могут сказать: «Контроль над вооружениями — это был случайный эпизод времен биполярного мира. Биполярный мир развалился, а контроль над вооружениями — это случайность, которая отражает кратковременную реальность второй половины XX века».

А.В. Грушко: Когда мы говорим о контроле над вооружениями, нельзя забывать о том, что речь идет не только о конечном продукте в виде ограничений, обмена информацией и контроля. Контроль над вооружениями в инструментарии современной внешней политики — это единственный способ для того, чтобы перевести язык политических намерений на язык военных построений и предсказуемости. Можно друг другу говорить, что мы не враги, что у нас нет плохих намерений (кстати, сегодня об этом много слышали), но нужно предъявлять доказательства. Контроль над вооружениями был той площадкой, на которой стороны могли предъявлять доказательства в виде дислокаций, количества и т.д. Само наличие переговоров — это мощный элемент укрепления доверия. В переговорах принимают участие военные,

которые на своем языке, понимая, о чем они говорят, могут обмениваться мнениями и объяснить друг другу, почему они принимают решения, связанные с размещением определенных силовых компонентов в тех или иных регионах.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

ИВАНОВ ИГОРЬ СЕРГЕЕВИЧ, президент Российского совета по международным делам

В 1999 году в Стамбуле я подписывал адаптированный ДОВСЕ, также как и Договор о европейской безопасности. Мадлен Олбрайт, Робин Кук, Юбер Ведрин, Йошка Фишер, я и наши коллеги тогда после тяжелых ночных переговоров очень радовались, что перевернули страницу в истории безопасности Европы и открываем новый путь к более стабильной Европе.

Я думаю, что в Министерстве обороны Российской Федерации, наверное, за этот договор немало человек получили высокое поощрение, в том числе, возможно, даже высокие награды. А может быть, и в других странах тоже. Я ни в одной стране ни от одного политика, ни действующего, ни отставного, не слышал критики адаптированного договора ДОВСЕ. Все признавали, что это краеугольный камень будущей европейской стабильности и безопасности. Прошло всего 13 лет. Оказывается, что этот договор никому вообще не нужен, он даже, может быть, и вредный. То есть, получается, мы за 13 лет не продвинулись вперед, а откатились назад. А если бы ратифицировали? Наши западные партнеры совершили серьезную политическую ошибку. Если бы ратифицировали, мы бы двигались вперед, никто бы не остановился на адаптированном ДОВСЕ. Точно так же, как мы не остановились на ДОВСЕ. После адаптированного был бы другой договор, но движение было бы вперед, а не назад.

Сегодня же мы фактически говорим, что надо начинать все с нуля. И это, я считаю, вызывает огромную тревогу во всех странах касательно вопросов нашей безопасности.

О Договоре по ПРО. Я лично три года вел переговоры о том, чтобы не разрушать договор. Сначала с администрацией Клинтона, с Мадлен Олбрайт, затем с администрацией Буша, с моим другом Колином Пауэллом и с другими. Мы поставили простой вопрос: «Чем Договор по ПРО ущемляет интересы безопасности США?» Дайте список конкретных вопросов, мы, может быть, внесем исправления в действующий договор. Договор был разрушен. Сегодня мы опять говорим, что надо начинать фактически с нуля, то есть мы опять откатились почти до 1972 г.

Терять момент в вопросах безопасности — это очень тревожная вещь, потому что разрушить легко, а вернуться к тому, чтобы все создавать снова, очень тяжело. Возрастают непонимание, недоверие. Даже в нашей дискуссии, в которой принимают участие очень хорошие специалисты, знающие проблемы, мы не можем договориться. Это значит, что нам необходимо больше встречаться. Мы, РСМД, со своей стороны будем стараться организовывать такие встречи. Меня вдохновляет призыв Президента Российской Федерации, обращенный к научному, экспертному сообществу — более активно включаться в обсуждение всех этих проблем, готовить предложения для руководства страны с тем, чтобы попытаться сблизить наши позиции и искать компромиссы. Я думаю, что в этом наша общая задача.

119180, Москва,
ул. Большая Якиманка, 1
тел. +7 (495) 225 62 83
факс +7 (495) 225 62 84
www.russiancouncil.ru